

Не предавай
любовь

16+

Тата Ефремова

Тата Ефремова

Не предавай любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67591473

SelfPub; 2022

Аннотация

Из-за болезни мамы Катя вынуждена переехать в дом отца, с которым она не общалась почти 18 лет. Новая школа, новые друзья... и недруги. И новая семья... и он, пасынок отца, бунтарь и задира Глеб.

Содержание

Часть 1. Над темной водой ...	4
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	84
Глава 8	96
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Тата Ефремова

Не предавай любовь

Часть 1. Над темной водой ...

Глава 1

Антон

Худенькая рыжеволосая девочка стояла у длинного бетонного забора – яркое пятнышко на сером фоне: зеленый шарф, синие кеды, только накидка тоже была серой. «Я рыжая, вы не ошибетесь» – взволнованный шепот в телефонную трубку. Не ошибся.

Антон Никитин подъехал к забору, но в последний момент сердце все же екнуло, а голове мелькнуло: зачем? Варя и ЕГО дочь жили до этого без него, и дальше проживут, только в этот раз можно и помочь. Но Варя, скорее всего, опять откажется от денег и привилегий. Но ведь он решился. Он три дня мучился после того звонка поздним вечером. «Простите, что так... уже одиннадцать. Я не знала, звонить ли, но потом поняла, что так только хуже. Я не ради себя, я ради мамы».

Антон притормозил, аккуратно, чтобы не облить ребенка из лужи, потянулся и опустил окно. Девочка уже смотрела на

него, неподвижно, даже не дышала, кажется. Сердце заухало в груди – она его копия, те же брови, глаза, нос, подбородок только Варин. Красивая девочка, очень. Он что, гордится уже?

– Ты Катя?

– Д-да.

– Садись.

Она села, очень аккуратно. От нее повеяло холодом.

– Замерзла?

– Немного.

Голос Варин.

– Сейчас поедem в кафе. Есть хочешь?

– Нет, в школе поела.

– Школьные обеды – это не еда.

– У нас хорошо кормят, – Катя повела головой.

Сердце чуть не выпрыгнуло. Он ведь с ней не виделись никогда, за исключением того раза, так она тогда в конвертике лежала, карапуз пяти дней от роду. Откуда у нее его жесты? Мама Антона говорила: «ну повел рогами, телок упрямый», когда он вот так качал головой, доказывая свою правоту. А вот Лешка этого жеста не унаследовал.

– Вот что, – откашлявшись, сказал Антон, – посидим в кафе, а ты сама решишь, что есть и пить.

Катя кивнула. Никитин уже отъехал от забора, когда случайно опустил взгляд на ее ноги и увидел темное пятно на колготках, на хрупкой косточке. Ноги у Кати были Варинины-

ми, изящными. Сложно было поверить, что у него взрослая дочь. По возрасту такая же, как Глеб. Вот только Глеб задиристый, колючий, а в Кате чувствуется мягкость, тоже Варина.

– У тебя ноги промокли.

– Да? – девочка посмотрела вниз, как будто только почувствовала. А может, и не чувствовала. – Там лужа была, я нечаянно наступила. Не страшно. Высохнут.

– С ума сошла? Какой у тебя размер?

– Тридцать семь. Я... это кеды порвались. У меня дома другие есть! – она заволновалась, возмущенно подняв рыжие брови.

– До дома еще добраться нужно.

Антон вырулил на Карасевскую, остановился у обувного.

– Это дорогой магазин!

– Это мои проблемы. Жди тут, с мокрыми ногами наружу не выходи.

Он зашел внутрь и сразу подозвал девушку-консультанта.

– Крепкие ботинки, тридцать седьмой размер, на молодую девушку. У вас есть возможность обмена, если не подойдут?

В этом магазине было все, и обмен, и возврат, и бонусы. Девушки старались изо всех сил, Антон даже пожалел, что не позвал Катю с собой, продавщицы наверняка и бровью бы не повели при виде ее убитых кед. С другой стороны, зачем лишний раз смущать девочку?

Девушки показывали ему модели, он мысленно переводил

цены в евро, не успел еще переключиться после недавней поездки за границу и покупки подарков всей семье. Его не беспокоило, если ботинки окажутся дорогими, другое дело, если это будет какая-нибудь дешевая подделка.

– Вот, пожалуйста, удобная колодка, кожа мягкая, фиксация на ноге крепкая. Стиль классический, можно в школу ходить. К ним идут вязаные гетры двух расцветок, и шнурки, очень практично.

– Сколько?

Девушка назвала цену. Антон пересчитал в уме, сто семьдесят евро, нормально. Он расплатился и вышел. У него отлегло от души: Катя сидела в машине, понуро наклонив голову.

– Вот, – он сел и положил коробку ей на колени. – Просто подумай о маме. Если ты разболеешься, ей будет еще тяжелее.

Катя медленно открыла коробку, покосилась с тоской вправо, на витрину магазина, подержала в руках черный ботинок с классическим квадратным каблуком.

– Спасибо, они классные.

Антон выдохнул:

– На здоровье. Там в коробке теплые колготки, я не знал, какие, взял темные, синие и черные. Я выйду, ты переоденься на заднем сидении.

Дальше они пошли пешком, до кафе оставался лишь квартал. Катя была голодной, Антон это видел, он в ее возрасте

ел за пятерых. Он заказал грибной суп, мясо по-французски и вареники с вишней. Катя ела аккуратно, спокойно, опустив глаза. Антон ковырял сырник в луже сметаны и молча ждал, пока дочь наестся. Дочь.

– Это не страшно, если я не доем?

– Не страшно. Нам упакуют, я попрошу.

– А так можно?

– Конечно. После кафе зайдем в супермаркет, я продуктов куплю, маме отвезешь.

– Может... вы сами?

– Не сегодня. Я объясню, почему, чуть позже. Сначала ты.

Расскажи, что случилось.

Она начала рассказывать. Все эти годы у Вари все было не так уж хорошо – она просто врала Антону по телефону, делая многозначительные паузы и демонстрируя тем самым нежелание общаться с «неотцом» своего ребенка, хотя он всегда знал, что кроме него, в ее жизни на тот момент никого не было. Никакого любимого человека у Вари за эти годы так и не нарисовалось, времени на личную жизнь не нашлось. Она работала в архитектурном бюро, брала заказы на дом, хваталась за любую подработку. Катя часто болела, надомная работа давала возможность сидеть с хворающим ребенком. Бабушка умерла в две тысячи пятнадцатом, стало тяжелее, и морально, и физически. В десятом классе учительница в школе, очень неплохой, с уклоном в русский и литературу, сказала Варе, что у Кати есть филологические способности,

и посоветовала заниматься дополнительно. Начались уроки с репетитором. Маленькая семья сэкономила на всем, поддерживая себя мыслью, что если Катя поступит в хороший вуз, затраты будут не напрасны. Но с каждым днем здоровье мамы – говоря об этом, Катя отвернулась к окну – становилось все хуже. Она сгорает и не хочет этого признавать. Неделю назад у нее воспалились почки, ложиться в больницу она отказалась, больная занималась заказами. Катю она не слушает, говорит, что все будет хорошо, пьет свои травы, таблетки от давления...

– К врачам ходит? – перебил дочь Никитин.

– В нашу, муниципальную, – сердито ответила та. – Полтора часа в очереди, потом пятнадцать минут прием, если врач не в отпуске, и список дорогуших лекарств, на которые у нас денег нет. Я не знала, что делать... нашла ваши старые письма у нее в компьютере, там телефон был в колонтитуле. Мне лично ничего не нужно. Просто... если вдруг вы еще помните... вы писали хорошие слова...

– Твоя мама не позволяла мне с тобой общаться, она говорила, что ты не моя дочь, что я не имею права...

– Я знаю, – из глаз Кати брызнули слезы, она сдержалась, не расплакалась. – Я один раз, давно еще, подслушала ее разговор с соседкой. Тетя Валя спросила: «Антон твой как? На дочь не претендует? Все-таки его кровиночка, сразу ж видно». А мама сказала: «Ему не до того. У него дела поважнее есть. Скажу – начнет шляться сюда еще, всю душу мне

вынет! И так названивает. Хорошо, что я Катюку Егоровной записала, в честь отца». Моя мама – хороший, отходчивый человек. За что она так с вами?

У Антона запершило в горле. Он глотнул кофе и сказал:

– Я ее обидел... совершил дурной поступок.

– Наверное, очень дурной.

– Очень.

– Вы ей изменили?

– Я предпочел... другой путь. Деньги, карьера, брак по расчету – классический набор, – слова давались неожиданно легко, словно под этим требовательным взглядом зеленых глаз рушились все внутренние, наложенные чувством вины, запреты на воспоминания. – Тогда это казалось главным.

– А теперь? Если все, как прежде, я пойду. Спасибо за еду и ботинки. Отказываться не буду, мне в школу ходить не в чем.

– Все изменилось. Если бы ты мне не позвонила, я бы нашел твою маму сам, я ведь не знал, где вы теперь живете, она мне не говорила, и номер сменила, а я не менял, специально. Мне Варя приснилась, хочешь верь, хочешь нет. Будто она тонет в болоте. Мне снится грязная вода, если к болезни, с детства, всегда сбывалось.

– Вы... вы правду говорите? – девочка смотрела недоверчиво.

– Да, Катюш, правду, – твердо ответил Антон, выдержав ее взгляд. – Я ведь уже в детективное агентство хотел обра-

щаться. И тут... ты мне позвонила, – сказал он.

– Почему сейчас? – тихо спросила она. – Не из-за сна же?

– Мне трудно объяснить, – Антона усмехнулся, отодвинул в сторону чашку с остывшим кофе. – Ты маленькая еще, не поймешь. Наверное, я достиг края. Знаешь, что самое страшное в жизни?

– Гибель близкого человека?

– Безысходность. Когда ничего изменить нельзя.

– Человек все может изменить. Главное – желание.

– Говорю же, еще маленькая, – улыбнулся Антон. – Рассчитайте нас, – обратился он к официантке.

Они доехали до супермаркета. Никитин остановился на парковке перед зданием и собирался выйти из машины.

– Не надо, – сказала Катя, схватив его за рукав, – мама все равно от вас ничего не возьмет. А я не смогу объяснить, откуда продукты. И вообще... врать не хочу.

Антон прислушался, кивнул:

– Я завтра приду. Не один, а с врачом. Это двоюродный брат моей жены, Полины, твоя мама его знает, мы дружили когда-то. Меня она, может, и не послушается, а его должна.

– Хорошо, вот адрес.

Она написала что-то на бумажке, которую вырвала из блокнота. Кто из детей сейчас носит карандаши и блокноты в кармане? У всех телефоны, они все пишут сообщения, это называется «кинуть в мессенджер».

– Не говорите маме, что это я вас нашла. Лучше про де-

тективное агентство... ведь почти правда, да?

Антон снова кивнул. Ему было не привыкать говорить ложь, врал он часто и густо.

– Я рада, – вдруг сказала Катя. – Рада, что вас нашла. Так боялась! Даже не верится, что вы меня выслушали... помогаете.

– То ли еще будет, – пошутил Никитин.

Девочка напряглась, Антон быстро договорил:

– Ничего такого... я же все понимаю. Завтра с Варей поговорю. Но больше не разрешу ей тебя прятать, буду помогать.

– Вы действительно такой богатый? Нам с мамой лишнего не нужно, понимаете? У вас семья, как они воспримут? Какая-то потерянная дочь...

– ...брошенная, – жестко поправил ее Антон, не щадя собственных чувств – хватил, нащадился уже. – И невеста бывшая, – он сделал паузу. – Полина знает. Катюш, понимаешь, мы с женой давно чужие друг другу люди. И были чужими... всегда, с самого начала. Она очень... своеобразный человек. Ты поймешь, я вас познакомлю.

– Зачем? Не нужно! Все равно! – опять упрямое движение головой. – Нам с мамой не нужны деньги. Только маме лекарства...

– А еще тебе образование, нормальная одежда, хорошее питание, отдых... – договорил за дочь Никитин. – Я богатый человек. У меня есть замечательная, горячо любимая рабо-

та... хорошо, что она есть, иначе я сошел бы с ума. Это закон природы, Катюш: я обеспечиваю свою дочь, помогаю ей выучиться, создать ту жизнь, о какой она мечтает. Ты потом даешь то же своим детям. И так создаются поколения счастливых людей. Я очень хочу, чтобы хоть кто-то был счастлив благодаря мне. У меня с этим плохо. С конвертацией денег в счастье.

– Но у вас же еще и два сына есть? – глядя исподлобья, спросила Катя.

– Родной – один, Алеша. Глеб – ребенок Полины. Ей было восемнадцать, когда она его родила. Я усыновил Глеба, никто вне семьи не знает, что он не мой родной сын. Моя жена – тоже небедная женщина, она из очень обеспеченного семейства. Не нужно чувствовать себя Золушкой на чужом балу, Кать. Ты моя дочь, значит, на многое имеешь право.

– Я не хочу к вам, на ваш бал, – серьезно сказала Катя. – Меня все устраивает. Главное, чтобы с мамой все было хорошо.

– Ладно, – Антон сделал вид, что сдался. – Завтра приду с врачом и деньгами на лекарства. Во сколько лучше подойти?

– В любое время, но не с утра. Мама работает по ночам, утром спит. У нас улица шумная, двор общий. Спать она в любой обстановке может, работать – только в тишине.

Антон довез дочь, куда она показала, на спортплощадку, где, несмотря на дождь, маячили в темноте какие-то подростки.

– Не волнуйтесь, меня проводят, – проговорила Катя, вылезая из машины.

У нее, наверное, и парень уже есть, с тревогой подумал Антон, провожая девочку взглядом. А чему он удивляется? Глебу тоже восемнадцати еще нет, а он уже всю по девочкам ударяет, они сейчас ранние. Впрочем, какое воспитание... Никитин поморщился при мысли о доме, специально поехал по объездной, чтобы подумать, посмаковать ощущения. Присутствие Кати давало ему новое, непривычное чувство, словно размораживался в груди кусок льда. Похожее было с ним, когда родился Лешка. Антон очень любил сына, но с Катей переживания были другими. Может, потому что в ней он видел Варю, свою первую и последнюю настоящую любовь, а в Алешке Полину?

Он доехал до дома. Свет горел во всех окнах первого и второго этажей, опять придет баснословный счет. В гостиной сидели Полина, Кирилл и Глеб. Жена махнула ему ресницами, протянула:

– А, вот и ты.

Кирилл весело поздоровался. Пасынок едва кивнул, спасибо и на этом. Нет, их отношения в последнее время улучшились, они разговаривают, иногда даже смотрят вместе спортивный канал. Та ссора прошлым летом начала забываться, просто Глеб изменился, стал таким холодным, отстраненным, то ли смирился, то ли... Главное, в лицей ходит, учится хорошо, ночует дома, повторяет Полина, это же

стресс какой! Да, в шестнадцать лет узнать, что твой отец на самом деле тебе не отец – сильный стресс. Глеб еще хорошо держится.

– А Лешка где?

– У себя, – Полина показала на потолок вялым движением руки.

– Что смотрите?

– Кирилл наснимал много видео в Италии, – так же медленно сказала жена. – Тоша, когда мы поедем в Венецию?

– Венецию не рекомендую, – сказал Кирилл, потягиваясь на диване. – Мне там везде сыростью воняло. Канализацией.

– Фу, – протянула Полина и задумалась.

Антон кивнул для вида. С братом жены, великовозрастным бездельником, даже разговаривать не хотелось, не то, что спорить. Канализацией... Поездки в Венецию по рабочим вопросам всегда были для Никитина событием, жаль, что их было не так много. Город-искусство, город-песня, город-карнавал.

Лешка сидел перед телевизором с джойстиком в руках.

– Привет, папа.

– Привет, сын. Во что режешься?

Лешка не ответил, заигрался, Никитин посидел на его кровати и пошел к себе. Холодно. И дело не в непогоде.

Глеб

После признания матери о том, что Антон ему не родной отец, Глеб пришел в себя лишь на Мальте, куда мать отосла-

ла его изучать английский язык. Она, должно быть, боялась, что его сорвет. Он сам испугался, согласился сменить обстановку. А в лэнгвидж-скул не сколько язык изучал и таскался по экскурсиям, сколько общался с новыми знакомыми. Компания подобралась отличная: пара питерских пацанов, три девчонки – из Вологды, Беларуси и еще откуда-то.

Лена-еще-откуда-то, кажется, в него реально втрескалась, дура. Мямлила что-то, говорила, какой он красивый, как у нее ноги подкашиваются, когда он на нее смотрит. Он не понял, вежливо ее послал, она плакала. Он подумал, что не надо было посылать, а стоило развести девчонку на что-нибудь интересное. Глеб уже давно миновал тот возраст, когда при взгляде на девочек в душе ворочался сладкий ком непонятно каких желаний и ожиданий. Он уже давно вполне осознавал свои желания.

Когда он вернулся, отчим (с некоторого момента Глеб называл Никитина только так) устроил ему экзамен по языку. Глеб отказался отвечать и, глядя в глаза Антону, сообщил тому, что ни фигя не учился, а отдыхал. И Никитин в первый раз просто промолчал. Еще бы, у самого рыльце в пуху, как выяснилось недавно. Оказывается, у него тоже дочь имеется, кровиночка, без него растет где-то, а он ее ну прям никак найти не может.

После признания Лены Глеб посмотрел на себя другими глазами. Его стало удивлять собственное отражение в зеркале. Да, он спортивный, отчим приучил тонус не терять, ли-

цо... лицо правильное, не урод. Со взглядом что-то, поменялся взгляд. Черты стали резче, кулаки больше, мысли циничнее.

Со Светой они познакомились в кинотеатре, летом перед одиннадцатым классом. Глеб повадился сбегать из дома на целый день – шел в торговый центр или спортзал, смотрел фильмы или отрабатывал ворк-ауты, катался на роликах на роллердроме.

В тот день фильм шел какой-то дурацкий, ни о чем, обычная пиндосская ересь. Народу в зале собралось раз-два и обчелся. Кто-то сел сзади, толкнув кресло. Глеб обернулся, взгляд его уперся в голые коленки красивых смуглых ножек. Вместо того, чтобы выразить недовольство, Глеб улыбнулся девушке с коротким гладким каре. Ему всегда такие нравились – невысокие, но спортивные. Когда начались анонсы новинок, девчонка пересела к нему на ряд. Показала большое ведро с поп-корном, кивнула на его кока-колу.

– Угостимся взаимно? – и посмотрела на него, наклонив голову к плечу. – Света.

Он кивнул и представился, внаглую рассматривая новую знакомую. Они ушли из зала через полчаса, договорившись выпить кофе у киноцентра, но вместо этого пошли гулять, незаметно выйдя к зданию с невысоким забором.

– Наша общага, – кивнула на здание Света.

– Ты в политехе учишься?

– Ага, второй курс. А ты?

– В школе.

– Че, честно? – Света засмеялась, Глеб сжал челюсти. – Я б тебе лет двадцать дала, не меньше.

– Мне восемнадцать. Почти, – неохотно признался Глеб.

– Вау!

Она снова наклонила голову к плечу.

– Слушай, у меня тоже кофе хороший. Пойдем? Только через главный тебя не впускают, я покажу, как пройти.

Света вошла в общежитие, а через несколько минут на первом этаже со скрипом открылось окно. Глеб влез через него в грязноватую кухню с несколькими плитами и запахами пригоревшей пищи.

– Тише, – Света повела его по коридору. – Почти все на каникулах, но кое-кто тут и летом ошивается. Нельзя, чтобы нас услышали.

– Почему? – хотел спросить Глеб.

Но они уже входили в комнату Светы, небольшую, светлую, довольно уютную. Девушка быстро закрыла дверь и обняла Глеба, потянувшись к его губам. Он сначала немного опешил, неуклюже ответил на поцелуй, потом понял, что ему предоставлен карт-бланш, и осмелел: быстро стащил с нее топ, запустил немного дрожащую руку в кружевной лифчик.

– Сюда. Вот моя кровать, – прошептала Света.

Уже темнело, когда они оторвались друг от друга. Света включила лампу на полке и лежала, приподнявшись на лок-

тях:

– Вау, какой ты все-таки красавчик. В школе девчонки проходу не дают?

Глеб пожал плечами:

– Дают... то есть...

Света рассмеялась.

– Подожди, и давать будут, и воевать за тебя.

Она выпустила его через окно кухни, прошептала:

– Ты классный, было офигенно.

– Ты тоже... – неловко начал Глеб. – Свет, а когда мы с тобой еще...

– Слушай, красавчик, давай сохраним приятные воспоминания и... короче, через два дня приезжает мой парень. Он как-то... не одобрит, если узнает. Так что, если что, ты меня не знаешь. Я надеюсь на твою мужскую порядочность. И не хочется, чтобы тебе больно сделали, парень мой задира.

Она произнесла это с гордостью, а потом закрыла окно и исчезла в глубине освещенной кухни. Глеб постоял немного под деревом и медленно двинулся прочь. Дома он долго сидел за столом, глядя в окно.

Вернувшись в школу в сентябре, Глеб совсем другими глазами посмотрел на своих одноклассниц. Кто из них «уже», а кто еще нет? Эля Миулина – непонятно, девочка себе на уме. Карина Черных – больше пыли в глаза: по странице во ВКонтакте подумаешь, что мегапопулярная, но только в лицее, в лицее подумаешь, что суперзвезда... вне его. Ок-

сана Бобринюк – целомудренна от кончиков классических туфель до вечного учебника по русскому в руках. Он перебрал всех девчонок, сидя на классном часу в душевной аудитории второго этажа. Дошел до Максимовой. В этот момент Саша сама обернулась и посмотрела ему в глаза, улыбнулась, провела языком по губам.

– У нас в классе новый ученик, – сообщила Арина Демидовна, их классная, совсем молоденькая учительница по литературе, второй год из универа, вечно прячущая растерянность за сердитостью.

Кто бы сомневался? Их лицей каждый год принимал новых учащихся, которых тут называли «студентами». К ним с трудом, боем, вступительными испытаниями и большим взносом переводились из других школ. Зато гуманитарный лицей номер одиннадцать открывал перед выпускниками много дорог и обеспечивал хороший балл на ЕГЭ. Еще бы, у них русского было по две пары в день, а еще литература, история, два языка и естественные науки в режиме «базы». При этом в лицее было всего три параллели классов с восьмого по одиннадцатый, и в каждом классе училось не больше двадцати человек.

– Вашего нового одноклассника зовут Матвей Гурмин. Попрошу любить и жаловать.

Классная, любительница эффектов, подошла к двери, открыла ее и сделала приглашающий жест. Новенький смущаться не стал, вошел и встал у доски, с интересом осмат-

риваясь. Среди девчонок тут же началось оживление. Глеб вспомнил слова Светы и усмехнулся. А Гурмин поймал эту усмешку, нехорошо прищурился в ответ. Он был высоким, очень спортивным, темноволосым. Нос с горбинкой, зеленые глаза. Красавчик, сказала бы Света. Глебу было плевать на конкуренцию. Да, после лета он заметил повышенное внимание девочек к своей персоне, как только переступил порог. Даже Арина Демидовна сказала, строго посмотрев через очки:

– Никитин, как ты повзрослел за лето, вытянулся. Спортом занимался?

И все же... Увидев Гурмина и перехватив его оценивающий взгляд, он интуитивно понял: последний год в лицее будет нелегким.

Глава 2

Катя

Катя пришла и школы около четырех – несмотря на субботу, у нее были допы. Она еле держалась на ногах, голодная и уставшая, но больше всего измучили ее не трудные уроки, а переживания. Антон Васильевич как раз был у мамы, а по двору прохаживался какой-то коренастый мужчина в сером плаще. Врач, поняла Катя. Она поздоровалась с ним, а он, церемонно поклонившись в ответ, окинул ее любопытным взглядом.

Мама и отец (Кате было пока непривычно называть так этого высокого, красивого, почти незнакомого мужчину), конечно же, спорили, но по интонации мамы Катя поняла: мама уступает.

– Ты что, Никитин, вообще у меня дочь хочешь отобрать? – услышала Катя.

– Варя, пойми, – повторял Антон Васильевич, – это лучшая школа в городе.

Катя вошла, оба разом замолкли.

– Катюш, – мама подняла на нее усталые глаза, – познакомься, это твой отец.

Мама сидела на разобранной, смятой кровати – видимо, спала, когда появились совсем неожиданные гости. Она была в домашнем халате. В комнате пахло больницей. На столе

лежали блистеры с лекарствами и стояла коробка. «Автоматический тонометр с манжетой», прочитала Катя, подойдя ближе.

Антон Васильевич поднялся со стула. Любой человек, посмотревший на него сейчас, поверил бы, что он видит свою дочь в первый раз. Такой же взгляд был у него, когда они встречались накануне: умиление, радость.

– Катюша, я так счастлив, – хрипло сказал отец. – Варя, можно нам с Катей поговорить с глазу на глаз.

– Можно, – сухо вато сказала мама, отворачиваясь к окну.

– Чаю хотите? – спросила Катя на кухне.

– Нет, – сказал Антон Васильевич. – Ты выпей. Устала?

Катя кивнула. Она всегда была немного заторможенной после учебы.

– Я продукты принес, – сказал отец. – Поешь.

Катя принялась раскладывать по полкам содержимое двух тяжелых пакетов, для себя достала из них хлеб и палку колбасы. Хлеб был с семечками и кусочками моркови, Катя и так бы его ела, без ничего, но Антон Васильевич отобрал у нее колбасу и занялся бутербродами. Хлопнула дверь. В комнату к маме зашел врач. Катя подошла к двери, услышала шипение аппарата, хруст ампулы и слова медика:

– Варюха, нельзя так. Ты что делаешь-то с собой, полоумная женщина?

Прозвучало это как-то фамильярно, даже грубовато, Катя думала, мама сейчас взорвется, но та устало сказала:

– Миш, а какой у меня выход?

– Если ты сейчас не возьмешься за свой организм, со всеми в него втекающими и из него вытекающими, я тебе авторитетно, как врач, заявляю – оставишь дочь сиротой в очень скором времени. Чего смотрим? Думаешь, шутки шу-чу? Полгода восстановления, это в лучшем раскладе.

– Я не могу. У меня работа, Катя, у нее выпускной класс.

– Уж сейчас, по-моему, Варюша, волноваться тебе не о чем. Антон обо всем позаботится.

– А я вот как раз волнуюсь о том, КАК позаботится. Я могу ему доверять? А?

– А мне можешь? Если хоть мне доверяешь, немедленно в больницу. Потом санаторий. Потом снова терапия.

– Миша, откуда у меня на это деньги? У Кати репетиторы, на выпускной нужно отложить.

– Я тебе о чем...

– Снимаете? – спросил Антон Васильевич над ухом.

– А? Да, – Катя отошла к столу, взяла бутерброд, стала есть, прихлебывая чай, опершись о мойку.

– Ты что делаешь? – с недоумением спросил отец.

– Ем, – растерявшись и проглотив кусок бутерброда, не разжевав, ответила она.

– А почему за стол не садишься?

– Привыкла, – Катя смутилась, села на табурет. – Накрывать на стол долго, а так...

– Ясно. Все на бегу, короче. Отвыкай. Я так себе в моло-

дости чуть желудок не угробил. Вот, я помидоры порезал. Витамины. Сколько платите за жилье? – Антон Васильевич со вздохом обвел взглядом кухню.

– Девять всего, – сказала Катя. – Дешевле не бывает.

– Верю, – поморщившись, сказал отец.

Кухня у них и впрямь была страшненькая, темная, без вытяжки, дом тут уходил под землю до самых окон, полы были холодными, пар оседал на обоях и стеклах, а свет даже летом был тусклый.

– Вы меня из школы хотите забрать? – спросила Катя почти равнодушно.

Сегодня весь день переживала, предполагая такой расклад, а сейчас так устала, что все равно уже было.

– У меня пасынок учится в одиннадцатом лицее, с гуманитарным уклоном. Лучший лицей в городе.

– Ага, я слышала. И платный. И далеко, за городом.

– Кать, – Антон Васильевич помолчал. – Вот у тебя сегодня какие уроки были?

– Ну... алгебра, химия, биология, обэжэ...

– И все надо учить, даже те, которые тебе не нужны. А там все естественные науки ознакомительно, только математики для экзамена чуть больше. Глеб на журналистику планирует. А ты на филфак?

– Да.

– Вот видишь!

– У меня репетиторы.

– Продолжишь и к ним ходить.

– У меня друзья.

– Никто вам общаться не запрещает. Это всего лишь до конца года, до ЕГЭ.

– Ездить далеко.

– Будешь жить там.

– Там?!

– Знаешь, что такое бординг-скул (***школа с проживанием на месте учебы**)?

– Конечно!

– В лицее есть система «пансион». Некоторые ребята из области там учатся, живут в отдельном здании, рядом лес, озеро. Кормят хорошо, на выходные можно уезжать домой, а можно оставаться.

Катя прикусила губу. Об одиннадцатом лицее она слышала. У них в параллельном классе училась девочка, которой пришлось оттуда уйти из-за развода родителей – отцу, обзаведшемуся молодой супругой, частная школа показалась дорогим удовольствием. Та девочка из параллельного полгода провела в депрессии, все повторяла, как ей было хорошо в лицее и какой гадюшник их общеобразовательная.

– Но мама...

– Маме предстоит долгое лечение. От этой квартиры придется отказаться... да у ну ее! Мы с Варей договорились, она, в принципе, согласна. После лечения она какое-то время поживет у вашего дедушки. А когда ты поступишь, будем смот-

реть по ситуации.

– И все расходы...

– ...я беру на себя, – твердо договорил за нее отец.

– Кто бы сомневался. А если вы опять...?

– Катюша, пойми, я тебя не бросал, Варя сама тебя спрятала. Увезла. Я ее понимаю, конечно... только недавно понял, когда стареть начал. Обещаю, буду сам возить тебя к маме на выходных и каникулах. Только не отказывайся. Это твой шанс, ты должна понимать.

– Я понимаю. Сказочный просто шанс.

После того, как гости ушли, Катя повертелась на кухне: помыла посуду, поставила мясо тушиться, приготовила салат. Потом набралась духу и пошла к маме. Та все еще сидела на кровати, глядя в окно. Катя ожидала чего угодно, упреков в адрес отца, негодования, сомнений, но мама жалобно сказала:

– Разве я такой нашу встречу представляла? Ноги опухшие, руки, лицо – глаз не видно. Халат этот... Хоть бы предупредил.

Катю на миг кольнуло чувство вины. А с другой стороны, расскажи она о своей инициативе и встрече с отцом, захотела бы мама с ним увидеться? Нет, Катя, ты все сделала правильно. Плохо жить в эпоху перемен, но если не изменить ситуацию сейчас, перемены могут стать куда более невеселыми.

– Ты сама как? – спросила мама. – В шоке?

– Немного.

– Извини, Катюш. Неожиданно все так. Как поговорили? – мама говорила устало, словно из последних сил.

– Нормально поговорили. Он не давил... предлагал. Я согласилась, но не поняла еще. Как-то это и хорошо, и плохо. Жалко с ребятами расставаться. Антон Васильевич сказал, мы сможем видеться, но я же знаю, что времени не хватит.

– А Петя? Встречаться с ним не собираешься? Хороший ведь мальчик. Третий год за тобой ходит.

– Да, и Петя. Не собираюсь. А как, мам? Я его с пятого класса знаю. Какие тут могут быть чувства?!

– А у него?

Катя вздохнула, подошла к маме и обняла ее, присев рядом на кровать.

– Думаю, он тоже просто ко мне привык. И я не собираюсь разрушать нашу дружбу. Может, Антон Васильевич прав. Есть ведь выходные и каникулы. Но я лучше с тобой буду видеться. Я скучать буду.

– И я. Я не знаю, как выдержу, но я выдержу. Может, все и к лучшему, – сказала мама, – может, все к лучшему.

Глеб

Противостояние с Гурминым было негласным, но очень напряженным. Если до этого Глеб и Матвей практически не общались, лишь обзавелись фан-клубами – командами поддержки, то после одного случая образовалась у них довольно странная «дружба».

Сентябрь начался с дождей. А потом лето снова возжелало вернуться. В один из теплых дней в лицее проводились традиционные соревнования по трейл-ориентированию, и физкультурник сам поделил параллель на две команды. Несмотря на протесты фан-клуба, Никитин и Гурмин попали в одну команду. Физкультурник был новым человеком в школе и никак не мог понять, в чем прикол. В результате Глеб и Матвей пошли по трассе вместе и не столько помогали друг другу, сколько мешали. Короче, вели себя как гребаные лузеры, даже две призмы прос*али. Физкультурник не ругался, просто выразил свое разочарование в такой форме, что Глебу тошно стало, он ведь точное ориентирование любил и окрестности лицея неплохо знал – не сосчитать, сколько раз тропы пробегал.

После дистанции он сел под деревом на полянке и хмуро следил за тем, как девочки кидают мячик. Саша Максимова улыбнулась и... потеряла к нему интерес. Вот себе на уме девчонка! Был бы ей неинтересен, уже дала бы понять, а так то подманит, то отгонит. У Саши была активная жизнь вне лицея, все об этом знали, но даже по страничкам в сети непонятно было, встречается она с кем-то или нет. Еще Глебу нравилась Милена Антонова. Но с той было опасно связываться, девочка была симпатичная, но шумноватая – когда встречалась с Андреем Курским из параллельного, весь класс знал подробности их взаимоотношений.

– Тоскуешь, – раздался насмешливый голос над ухом. –

Можно прилуниться?

– Падай, – сквозь зубы бросил Глеб.

Гурмин сел на траву, вытянув ноги. Бросил:

– Глупо, да?

Глеб буркнул что-то нехотя, но дал понять – он в принципе согласен. По-идиотски все получилось: из-за личного соперничества их команда теперь выглядит печально. Придурками они выглядят, если честно.

– Нужно завязывать с демонстрацией наших... чувств друг к другу, – сказал Матвей, лениво щурясь на солнышко.

– Согласен. Но я все равно считаю, что ты...

– Что? – прищурился Гурмин.

– Да, ладно, проехали, – пробурчал Глеб.

А что он, собственно говоря, может сказать? Они равны в учебе, спорте, социальном положении. У Гурмина родители известные юристы, сын отлично упакован, ему уже восемнадцать, на собственной тачке в лицей ездит. Ездил. Гурмин недавно жаловался одноклассникам, что родители личный автотранспорт запретили – они у него чересчур демократичные и боятся... всякого.

– Что делать будем? – спросил Матвей. – Как проблемку решать?

– Подружиться со мной собираешься? – вяло поинтересовался Глеб.

– Ага, разбежался. Я похож на человека, нуждающегося в дружбе с...

Тут напрягся Глеб, но Гурмин весело закончил:

– ... одноклассником той же весовой категории?

Хоть это признаешь, подумал Глеб.

– Чё предлагаешь? – спросил Глеб.

– Не разбазариваться. Найти нашему потенциалу лучшее применение.

– Это какое? – заинтересовался Глеб.

Матвей выразительно повел глазами в сторону играющих девчонок.

– Ты же уже знаешь, как с ними... обращаться?

Глеб хмыкнул. Не то чтобы у него был длинный список, но на приз девичьих симпатий он уже заработал.

– Кто? – коротко бросил Глеб, идея ему понравилась.

– Саша. Горячая штучка, да? У нее есть парень, я уточнял.

Примешь вызов?

– Звучит дерьмово. Если есть парень, какого лезть, вообще?

– Щепетильный, да? Ладно. Тогда квест.

– Объясни.

– Выбираем любую девчонку, из толпы, и погнали.

– Из толпы? – с сомнением проговорил Глеб. – Может, лучше в клубе.

– Хочешь себе задачу упростить? В клубах они уже подогреты, а нам нужно с нуля.

– Срок?

– Неделя.

– Фигассе!

– А ты думал! Ладно, будем уточнять время по обстоятельствам...

– ... по шкале сложности, – ревниво предложил Глеб, его напрягало, что все придумывает Матвей. – От одного до десяти. Малолеток не выбираем, и совсем уж ботанок...

– Ботанки – самое интересное, – возразил Гурмин. – Не все ботанки страшненькие, а степень сложности выше.

– Не люблю возиться, – поморщился Глеб. – Удовольствие так себе, а уговоров и хлопот... Ладно. А как проверим? Набрехать можно выше крыши, а девчонка не факт, что подтвердит. Да и... вообще.

Матвей почесал лоб.

– Есть одна идея. Но нужно вместе идти, а то потом скажешь, что я все подстроил.

Глеб согласился.

После занятий они сели на маршрутку и вышли в центре. Зашли в ресторанчик, дурацкий, с лианами по стенам, фонтаном в центре и плюгавым шансонье на сцене. Уселись за столик, к ним подскочил официант, взгляделся в лица – видимо, определял, есть ли восемнадцать. Матвей взял себе безалкогольное пиво, объяснил:

– Хочу сегодня покататься.

– Щепетильный, да? – криво усмехнулся Глеб.

– Просто родаков подставлять неохота.

Глеб для виду еще раз ухмыльнулся, а сам подумал об

Антоне. В последнее время отчим странный, какой-то отстраненный, мать тоже целыми днями пропадает где-то, и не факт, что в своем магазине. У кого-то семьи норм, а у него херня какая-то.

Он тоже взял безалкогольного пива, прихлебывая, морщился под шансон. Матвей посмотрел на часы, бросил:

– Терпение.

Минут через десять к ним подошел невысокий паренек, сел, молча достал из кармана две коробочки. Матвей передал ему пару купюр. Паренек встал, сгреб бутылку пива со стола и ушел.

– Фигеть, конспирация, – протянул Глеб.

– Тебе, – Матвей подтолкнул к нему одну из коробочек.

– Предложение руки и сердца? – фыркнул Глеб, открыв ее и увидев гладкое черное кольцо с красным камушком. – Фиговое какое-то предложение... – он осекся, подвинул к себе коробку поближе, – ну-ка, ну-ка...

Камушек был не камушек, а...

– Камера? – удивился Глеб. – Я думал, это незаконно.

Если не вглядываться, выглядел гаджет как обычное мужское кольцо, довольно стильное.

– Это и есть незаконно, – Матвей явно развлекался, наблюдая за одноклассником. – Никитин, я же по мелочам не играю. У меня все всерьез. Я азартный человек. Смотри, вот затвор. Нажимаешь, и снимок автоматически загружается на твой мобильный. Ссылку на приложение я тебе сброшу.

– То есть...

– Это и будет подтверждение. Девочку в постели снять это одно, а если вы там вдвоем – это другое. А если еще в момент...

– В такой момент мне обычно не до съемки, – поморщился Глеб.

– Мне тоже. Однако, если с доказательством, что девочке тоже перепало, победа будет засчитана безоговорочно. Это легко. Одно нажатие на затвор и... – Матвей закатил глаза и издал тихое, проникновенное «а-а-ах».

– А ставка? Что ставишь?

– Не знаю. Смотря что я хочу получить. Надо подумать.

– Ну... думай, – Глеб тоже пока с трудом представлял, какую выгоду можно извлечь из пари.

– Когда начнем? Предлагаю в эту субботу.

– Где?

– Там сориентируемся. На Запрудной в шесть. Там до фи-га кафешек, тепло, можно кого-нибудь на набережной снять, если что. Или в торговом центре, в кино.

Глеб вспомнил Свету и холодно кивнул:

– Заметано.

Глава 3

Катя

Друзья встретили новость без энтузиазма. Только Алина сказала:

– Ну вот, это же хорошо! Теперь вам с мамой легче будет.

Но прозвучало это, словно «прощай навек». И Вероника мрачно подтвердила:

– Теперь видеться не сможем! А после ЕГЭ вообще разведемся.

Они стояли вчетвером у ворот школы, после допов. Петька молчал, щуя черные глаза. Он молчал уже три дня. Катя пыталась его разговорить, но он только кивал. Он даже осунулся как-то, с лица спал за последнюю неделю. Катя очень переживала и не знала, что сказать. Оправдываться? Так она ни в чем не виновата. Дать надежду? А правильно ли это? Они с детства дружат. У Пети раньше семья была так себе, отцу на него было наплевать. Когда Катина мама снова сменила адрес и Катя пошла в новую школу, Петя сразу взял над ней шефство в классе. И домой к ним приходил каждый день почти, они вместе делали уроки, потом играли на мамином ноутбуке по очереди. Мама и папа Пети все-таки развелись, и мама вышла замуж второй раз. И все у Петьки наладилось: и голодным больше не ходил, и учиться стал хорошо, даже в десятый класс пошел, хотя собирался в ПТУ уходить. Но

пошел-то он ради Кати, положим. Однако сам должен понимать – теперь у подруги есть шанс привести жизнь в порядок. И еще – сколько не пыталась найти Катя в душе чувства теплее, чем дружба, ничего у нее не получалось.

Тут Петя наконец заговорил:

– Идемте посидим где-нибудь. Попрощаемся нормально. Я угощаю.

– Давайте! – встрепенулась Катя. – Только угощаю я.

Они дошли до Запрудной, сели в кафе у окна, заказали чай и слойки с разными начинками. Сидели молча. У Вероники явно глаза были на мокром месте.

– Ну что вы, в самом деле?! – не выдержала Катя. – Как будто хороните меня! Я ведь здесь! У меня теперь меньше уроков будет! Будете ко мне приезжать! Там лес, речка! И поступать вместе поедем, как договорились!

После этих слов все как-то повеселели, начали строить планы на будущее и не заметили, как за окном потемнело. Катя постаралась заказать все самое вкусное, что было в кафе – отец дал ей карту с большой, по ее меркам, суммой. Она пока не знала, на что их тратить. С понедельника начиналась учеба в новом лицее, а мама уезжала еще раньше – завтра. Дядя Миша устроил ее в хорошую клинику, а отец все оплатил. Клиника за городом, Катя сможет навещать маму. От квартиры они отказались, Антон Васильевич... папа вывез большую часть вещей к бабушке. Катя уже и сумку собрала. Нужно еще одежду купить. В лицее свободная форма, но все

должно быть классическим и неярким.

Катя старалась не думать, во сколько обошлась отцу забота о ней и о маме – убеждала себя, что действительно имеет на это право, а в глубине души боролась с чувством неловкости. Отец показал ей свое место работы – небольшой офис в центре города, очень красивый, соответствующий тому направлению, которым занимался Антон Васильевич – экспертизе предметов искусства. Кроме этого он владел галерей в центре города, Катя несколько раз бывала там раньше, но и подумать не могла, что владелец – тот самый «Антон».

Отец с мамой учились в одном вузе, но на разных факультетах. Мама стала архитектором, а отец – сначала реставратором, а затем экспертом по подлинности. Катю царапало по сердцу, когда она думала о том, как папа всего добился. Да, в основе процветания его бизнеса лежал выгодный брак. Катя не стала расспрашивать ни его, ни маму, сама поняла, что это и было тем самым предательством.

Алина рассказывала что-то о своем коте, а Катя радовалась, что Петя больше не хмурится. Кафе наполнилось народом. Было много молодежи – здесь любили тусоваться школьники и студенты, цены были разумные, а сэндвич бар радовал разнообразием начинок.

Катя почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла глаза. Напротив нее, за соседним столиком, сидел парень. Темноволосый и темноглазый. Он поймал ее взгляд, и карие глаза вспыхнули. Катю словно обожгло огнем. Она слегка нахму-

рилась и занялась своим кофе, чувствуя, что краснеет и что незнакомец продолжает ее разглядывать.

Что ему надо? Даже не очень сведущей в моде и стиле Кате было понятно, что парень небедный: модная стрижка, куртка на спинке стула мягко отражает свет, как может лишь натуральная кожа, на руке явно дорогие часы... туфли тоже, обувь всегда человека выдает. На шее путаница из кожаных шнурков с мужскими подвесками – стильно. И внешность у молодого человека такая, что хоть на обложку журнала: рост (ноги торчат из-под столика), футболка обтянула крепкие плечи, лицо мужественное, несмотря на то, что он, наверное, Катин ровесник. Себя Катя всегда считала невзрачной. Есть рыжие красавицы, просто огонь, а она словно... размазанная, выцветшая – акварельная, как тактично говорит мама.

Катя не выдержала, вновь подняла взгляд. Парень продолжал на нее смотреть. Катя хотела уже набраться смелости и вызывающе кивнуть ему, мол, что за тема, но контакт глазами вдруг прервался – к столику напротив подошел еще один молодой человек, сел к Кате спиной и, словно что-то почувствовав, обернулся, зыркнул на нее с нескрываемым любопытством. Зато первый явно поскущел и отвел взгляд. Молодые люди заговорили. Катя пыталась прислушаться, но из-за шума не могла разобрать ни слова. Кажется, парни спорили. Первый казался недовольным, второй на чем-то настаивал, несколько раз обернувшись и оценивающе глядя на Катю.

Катю отвлекли друзья, и она постаралась не возвращаться взглядом и мыслями к соседнему столику. В конце концов, мало ли кто на кого смотрит, хотя это... неприлично. Она лишь бросила туда любопытный взор, когда шла к стойке, чтобы заказать мороженое.

У айскрим-бара толпились посетители. Катя постояла в раздумьях, занимать очередь или нет (решила не занимать, а дожидаться, когда схлынет толпа), развернулась и чуть не столкнулась с парнем из-за соседнего столика. Первым, темноглазым. На нее пахнуло дорогим мужским парфюмом. Она шагнула в сторону, но парень, почему-то глядя поверх ее плеча, как-то нехотя проговорил:

– Привет. Слушай, есть предложение. Давай погуляем по набережной вместе. Вечер такой хороший.

Катя даже засомневалась, что он к ней обращается – он будто выдавливал из себя слова. Она помотала головой и двинулась было к своему столу. Но парень вновь преградил ей путь и продолжил:

– Я смотрю – лицо знакомое. Ты случайно во Дворце Творчества не занималась?

После этих слов Катя немного расслабилась, ответила, недоверчиво вглядываясь в парня:

– Занималась. В студии воздушных змеев.

Парень белозубо заулыбался:

– Вот видишь! А я... этой... лепкой... из глины.

– Полимерной? На втором этаже? – наивно поинтересова-

лась Катя.

– Да, да, на втором. Вижу знакомое лицо, дай, думаю, приглашу пройтись.

– Прости, – сказала Катя, покачав головой. – Я тут с друзьями.

– Так мы недолго.

– Не могу. Я с... другом. Он может неправильно понять.

– Слушай, – парень вдруг посмотрел ей прямо в глаза, – ты мне очень нравишься... еще со студии. Думаю, наша встреча не случайна. Дай мне шанс.

– Извини... – пролепетала Катя.

Ей очень хотелось согласиться, даже просто постоять рядом с парнем, но рядом с затрепетавшим от слов незнакомца сердцем шевелился ком непонятной тревоги. Она еще раз кивнула и пошла к друзьям. Обернулась – парень смотрел ей вслед с тоской. Она села за столик, не в ладах с собой. Сколько можно строить из себя буку ученую? Другая девчонка воспользовалась бы шансом, вон, Вероника уже несколько раз скользнула заинтересованным взглядом по фигуре у ай-скрим-бара, а Катя... срейфила? Погрузившись в свои мысли, она вздрогнула, когда кто-то прикоснулся к ее плечу. Рядом с ней стоял... второй парень из-за соседнего столика, тот, кто все время оборачивался.

– Можно тебя на секунду?

Катя встала на ватных ногах, бросив взгляд на нахмурившегося Петю. Тот сделал движение, словно тоже хотел

встать, но парень виновато проговорил:

– Простите, ребята, две минуты разговор.

Они отошли к дверям кафе и парень сказал:

– Это с тобой сейчас мой друг говорил? Что он сказал?

– А что? – удивилась Катя.

Парень негромко, мелодично рассмеялся, слегка откинувшись назад и сверкая глазами, прозрачными, кажется, зелеными:

– Ты меня прости... он... такая ситуация... глупая... не знаю, как сказать. Он тебя не обидел?

– Нет. А в чем дело-то?

– Ну... в общем, мы с ним повздорили немного, а перед этим я сказал ему, что ты мне понравилась. Я за тобой оттуда наблюдал, – парень махнул рукой в сторону сэндвич-бара, – а он мне назло пошел с тобой поговорить. Он точно тебя не обидел?

– Нет! – воскликнула Катя, перехватывая напряженный взгляд Пети, который уже поднялся и стоял у их столика. – Он просто обознался.

– Это он тебе так сказал... говорю же, мне назло. Наверняка погулять звал. Он всегда так с девчонками обращается – грубовато и откровенно их снимает. Поэтому у меня к тебе предложение, хочу загладить вину.

– Мне не грубили, – тихо, но упрямо сказала Катя. – Не надо ничего заглаживать. Забери.

Он не взял, закусив губу, улыбнулся и ушел. Катя бросила

визитку в карман.

– Ребят, – сказала Катя, вернувшись к друзьям. – Здесь жарко, шумно. Пойдемте на воздух.

Глеб

Глеб и Матвей, как и договаривались, встретились на Запрудной. Побродили по разным кафешкам, осели в самом популярном. Здесь было шумно, недорогое место привлекало студентов и школьников. Счастье, что им вообще столик достался.

Глебу все меньше нравилась эта идея. Нет, утереть Гурмину нос хотелось, просто не таким способом. Уложить в постель практически незнакомую девчонку, да еще и фиксировать все это... С другой стороны, ведь нехилое развлечение.

Матвею позвонили, и он пошел к дверям, морщась от шума и показав Глебу жестом: «ищи». Глеб принялся оглядываться. Девушек в кафе было много. Глеб даже пересел, чтобы оглядеть большую часть зала и стойки. Гурмин задерживался. Глеб поймал взглядом яркий отблеск и... «завис». Лицом к нему, наклонив голову к чашке кофе, сидела девушка. Это от ее рыжей головы отразился свет. Она склонилась над столом, перебросив гладкие волосы на одну сторону груди. Это было красиво. Как на старинных картинах, которыми занимался Антон. Глеб рассматривал девушку бездумно, надеясь, что она поднимет голову. Ее спутники что-то горячо обсуждали, лишь она сидела, словно отстранилась от всего. Потом как будто почувствовала, что на нее смотрят, подняла

глаза.

Лицо у нее тоже было, как на старинных полотнах: нежное, удлинненное, словно подсвеченное изнутри. Необычное лицо. Красивое. Таких сейчас редко делают, подумал про себя Глеб, мысленно усмехнувшись. Девушка смотрела прямо на него, глаза у нее были зелеными. Она слегка нахмурилась, опустила взгляд на свой кофе, сделала глоток. Глеб посмотрел на ее руки. Ох, красиво-то как – пальцы длинные, как у пианистки, с натуральными ногтями. Девичьи руки Глеба всегда нехило заводили, они любил изящные жесты, когда, например, волосы поправляют, смущаясь. Девушка поправила волосы, вновь вспыхнувшие в свете плафона над столом. Вскинула взгляд. Ну чего ты смотришь, мысленно спросил у нее Глеб. Да, ты красивая, и наверняка об этом знаешь. Вон парень рядом, чернявый крепыш ревниво на тебя поглядывает. Крепыш и на Глеба посмотрел. А Глеб забыл об уговоре и вспомнил, когда к столику подошел Матвей.

Гурмин то ли наблюдал за Глебом через витринное окно, то ли навскидку понял, но сразу сказал, проследив за его взглядом:

– О, мишень намбэ ван?

– Нет, – сказал Глеб нарочито лениво. – Так... присматривался... чёт не очень.

– Ну это ты зря, – произнес Гурмин, присаживаясь и посматривая через плечо. – По шкале сложности все девять. Домашняя девочка, интеллектуалка, иностранные язы-

ки, музыка, танцы или спорт. Ставлю на музыку. Друзья соответствующие – арт-хаусное кино, Мураками, музеи, и все четверо мечтают учиться в Питере. Рискнем?

– Нет, – Глеб снова упрямо покачал головой, внутри у него как-то нехорошо зануло. – Она, походу, с парнем.

– Рискнем, – твердо повторил Матвей. – У нас уговор – если один выбрал, второй подчиняется, – он вдруг подался вперед, через столик, и сказал, сверкнув глазами: – А я представляю ее в постели. И мне нравится то, что я вижу. О, смотри, она встала – самое время. Жребий?

Глеб вытянул целую зубочистку и не очень этому обрадовался. И все-таки встал и пошел к девушке, которая в явном сомнении остановилась у хвоста очереди к стойке. Она удивилась, напряглась, когда он с ней заговорил, а потом немного оттаяла. Он наговорил ей всякую ерунду, обманул, короче. Никогда они не встречались, он бы запомнил. Конечно, полгорода детей ходило во Дворец Творчества, довольно прикольное место, современное и интересное. Глеб там тоже занимался английским в группе по настоянию Антона.

И все же она заняла глухую оборону. Здесь не девятка была по шкале, а все одиннадцать. И еще она сказала про своего парня. Глеба одновременно это порадовало, но и кольнуло разочарованием. Он отошел к столику, покачал головой. Матвей, заметно прибодрившись, двинулся к рыжей девушке. Глеб не слышал, что он ей говорил, но она еще больше насупилась. От каждого ее движения головой волосы сколь-

зили по плечам, переливаясь янтарными оттенками. Гурмин вернулся, сел, смущенно крикнув:

– Да, девушка не одинока. Но попытаться стоило. Черт! – он обернулся через плечо. – Уходят. Прямо обидно. Я как-то уже губу раскатал.

Глеб скрипнул зубами, косясь в окно. Рыжая и трое ее друзей стояли у кафе. Две девушки ушли, помахав на прощанье. Выглядели они почему-то грустными. Чернявый парень что-то говорил, обращаясь к подружке, но та словно не слышала и рассеянно смотрела куда-то вдаль. Парень даже коснулся ее руки, наклонился к щеке, но она уклонилась, положив руку ему на грудь и удержав на расстоянии. Все понятно. Такая же капризная манипуляторша, как все они.

Матвей что-то говорил, радуясь тому, что принесли их заказ. Глеб с трудом оторвался от созерцания парочки: как он и ожидал, девушка дружески потрепала парня по плечу и ушла, оставив того стоять с расстроенным, даже немного отчаянным, видом. Глеб холодно улыбнулся, прошелся взглядом по кафешке. За столиком напротив уже сидела другая компания. Хрупкая брюнетка лет двадцати говорила по телефону. Она поймала взгляд Глебы, наклонила голову набок, слушая говорящего, чуть удивленно улыбнулась.

– Кажется, я нашел, – сказал Глеб Гурмину.

Глава 4

Катя

– Одежду тебе не успели купить, – с досадой сказал Антон Васильевич, усаживаясь в машину.

– Ничего, я сама.

– Меня срочно вызывают в Москву на экспертизу. Разместю тебя в школе, потом в офис, потом на самолет. Время еще есть. Все собрала?

– Да.

– А ключи?

– Через соседку передала. Мама вечером позвонит. Скажет, как доехала. Ей намного лучше.

– Миша – хороший врач.

Отец нервно покусывал губы, глядя на дорогу.

– Попрошу Глеба все тебе показать в лицее. Будет зубо-скалить или ерничать – звони. Я найду способ с ним договориться. Он... сложный парень. Мы не хотели ему говорить, он сам начал догадываться, после того, как их в лицее на медкомиссию стали посылать. У меня четвертая группа крови, у Полины – первая, и у Глеба тоже первая. Такого быть не может. Ну, а потом Полина как-то в сердцах проговорила. Лучше бы мы его как-то подготовили, я же предлагал. Поля хотела, чтобы он не знал, да и я хотел. Мы с ней далекие от биологии люди. Короче, оба идиоты. С тех пор Глеб очень

изменился. Я теперь не знаю, чего от него ожидать. То все нормально, то словно чужой человек передо мной, скрытый, язвительный, циничный.

– Понятно, – тихо сказала Катя.

– Глеб добирается до лица сам, чаще всего на электричке. У нас станция рядом с поселком. Впускают в школу по ученическому пропуску, выпускают тоже, родителям приходит сообщение на телефон. Рядом есть магазинчик, не ахти что, но есть и продукты, и мелочевка всякая. Если что-то посерьезнее нужно, смело вызывай такси и поезжай в «Мега-Город», супермаркет на кольцевой. С деньгами не скромничай. Код на карте запомнила? Директор разрешила пока ходить в старой форме, приеду – купим тебе что-нибудь приличное. Знаешь, – отец замялся, – там ребята хорошо одеваются, есть, конечно, стипендиаты, из обычных семей, на государственной поддержке... но в целом...

– Пап, – со смешком сказала Катя, – мне все равно. Пока в старом похожу. Самой популярной девочкой школы становиться не собираюсь.

– Ну и зря, – улыбнулся отец.

Они выехали за город, на трассу, вдоль которой потянулись пригородные поселки с живописными полями и рошицами. Катя приоткрыла окно. В него ворвался теплый ветер с запахом сухой травы. Между колонной тополей и полоской речной заводи прогремела электричка. А за ней еще одна.

Территория лица была окружено ажурным забором.

– Вон учебный корпус, – отец показал на двухэтажное здание. – Те деревянные домики – пансион. Спортзал слева, стадион за школой, есть еще что-то вроде клуба по интересам, в отдельном здании. Да, и столовая вон тот корпус. На большой перемене кушать обязательно. Завтраком и ужином тоже кормят, в магазинчике большой ассортимент булочек, пирожных и обезжиренного йогурта, все в расчете на целевого покупателя, – отец подмигнул и вылез из машины. – Тебе повезло. Одна девочка уезжает на год в другой город с родителями. Уже должна была уехать. Пойду уточню, можно ли вселяться.

Катя тоже вышла из машины, вдохнула терпкий хвойный воздух. Район так и называется «Сосновая Роща». Тут неподалеку санаторий. Жаль, что не того направления, что требуется маме. Вот было бы здорово. Отец вышел из здания пансиона только через полчаса, Катя уже начала волноваться. Он возвращался к машине почти бегом. Кивнул Кате, чтобы села в автомобиль:

– Не повезло. Поехали. Расскажу в дороге.

Сам сел, мрачный, как туча. Надел ремень безопасности и выехал с подъездной. Затем сказал:

– Родители ученицы передумали брать ее с собой. Буквально полчаса назад узнали, что условия жизни в том месте, где их ждет работа, не очень подходят для девочки тринадцати лет. Россия, мать вашу. Неужели раньше нельзя было сообщить?!

– Ну и что теперь? – с тревогой спросила Катя. – Наш дом уже сдали.

– Да, а от бабушки ездить далеко. Отель тоже не вариант. Я на нервы изойдусь, как ты там и что. Есть только один выход.

Антон Васильевич заговорил по телефону:

– Да, привет, Поль. Я заеду домой. Не один, с Катей. Она поживет у нас до моего приезда. Так получилось. Я рад, что ты не против. Целую.

... Коттедж в элитном поселке «Дубрава» Антона Васильевича оказался впечатляющим: большим, с садом и лужайкой. Катя вышла из машины и сделала вид, что ее абсолютно ничто не удивляет. Это было несложно: мама часто бывала в таких домах по работе и раньше часто брала с собой Катю, вероятно, втайне мечтая, что дочь передумает и пойдет по ее стопам. Катя быстро усвоила, что в таких домах не нужно разуваться. И что чаю там вам могут и не предложить.

Дом был ярко освещен. У Кати громко стучало сердце, когда она шла за отцом по чистой дорожке, выложенной фигурной плиткой. Она думала, все будет проще: Антон просто приедет и поможет маме – отдаст, так сказать, долг совести. А теперь Катя вынуждена будет общаться с незнакомыми людьми, которые вряд ли порадуются ее появлению. Она попыталась мысленно отстраниться, поиграть в игру «это все происходит не со мной, я просто смотрю интересный

фильм». Не получилось.

Войдя в огромную гостиную, услышав слова «Глеб, познакомься, это Катя, моя дочь», она выступила из-за спины отца и встретила взглядом с парнем, в небрежной позе стоящим у камина. У нее словно разряд пробежал по позвоночнику. На Катю, округлив глаза в изумлении, смотрел парень из кафе, тот, что приглашал ее погулять. Тот самый, Первый. Ночью Кате приснилось, что она все-таки приняла его предложение, бросила друзей, послушно пошла за ним в ночь, а потом потеряла его в толпе – вернулась в кафе, а там пусто. Глупый сон.

Парень тоже ее узнал – по его лицу пробежала волна удивления, сменившаяся недоверием, настороженностью и откровенной неприязнью. Глаза его сузились, на щеке заиграл желвак. Глеб. Его зовут Глеб. И он ее сводный брат. Но не родной, не по крови.

– Ты один? – спросил отец у пасынка. – Мама? Кирилл?

Глеб тряхнул волосами, опустил глаза и глухо произнес:

– Мать в салоне, Кирилл уехал на ипподром. Скорее всего, потом к Лане своей поедет.

– Вот и хорошо, – сказал отец. – Нужно поговорить. Катя, посиди пока тут, отдохни, сейчас все будет.

Отец пошел наверх по лестнице, оглянулся через плечо на пасынка, поднял бровь. Глеб медленно отделился от камина. Он опять глядел на Катю. Катя осмелилась посмотреть ему в глаза, в конце концов, они знакомы и даже общались. Взгляд

у парня был очень красноречивым, и Катя поняла, что хорошего отношения к себе со стороны сводного брата ждать не стоит, ни в этом доме, ни в школе. А если в кафе он действительно заговорил с ней, чтобы позлить приятеля, тем более.

Она осталась одна в гостиной. Наверху скрипнула дверь и до Кати донеслось бубненье голосов. И она решилась – сняла туфли, взяла их в руки и в одних носках скользнула вверх по лестнице. Смешно и стыдно будет, если в доме есть еще кто-то и ее увидят. Но ей просто необходимо услышать, о чем говорят наверху. Если все очень плохо, она уйдет. Поедет к бабушке, и будь что будет. Ей здесь страшно. И еще как-то... тоскливо и холодно, словно она попала в замок Снежной Королевы. Может, она и преувеличивает, но обычно ее интуиции не ошибается. Даже мама, если нужно принять сложное решение, иногда просит:

– Кать, прислушайся к своим ощущениям. Стоит мне в это лезть или нет?

Катя еще ни разу не ошибалась.

Наверху был коридор со множеством дверей. Из одной комнаты через щель доносились голоса. Слышно было плохо, поэтому Катя поднялась повыше. В комнате как раз замолчали, а потом отец сказал:

– Я все понимаю. Неожиданно. Неудобно, наверное, но не конец же света. Десять дней.

– Тебе мало одного выбл*дка в доме, – лениво произнес Глеб. – Ты еще одного притащил? Мне подарок на днюху?

– Хватит острить! Знай меру. Я терплю-терплю и однажды не выдержу.

– И что сделаешь?

– О себе говорить можешь, что угодно, но не о Кате, – сухо сказал отец. И добавил, явно в сердцах: – Когда ты подрастешь уже?

– Годам к сорока, как ты.

– Глеб, пойми, я в этом доме только тебе доверять могу.

– Напрасно.

– Нет, не напрасно. Я знаю, что ты нормальный парень, только делаешь вид, что ты хуже, чем есть. Маме всегда некогда, а Кирилл... это Кирилл.

– Вот с этого и надо было начинать. Боишься за доченьку?

– Боюсь.

– Ты, может, плохо ее знаешь. Может, она стойкая.

– Зато я хорошо знаю твоего дядю. Катя еще ребенок, а у Кирилла на меня зуб. Опасаюсь, как бы он не решил воспользоваться случаем. Я своей дочери доверяю, хоть и знаю ее недолго, однако хочу подстраховаться. Пожалуйста, Глеб, в мое отсутствие позаботься о Кате. Покажи ей в доме все, школу, поддержи первое время.

– С какой стати? Меня кто-то поддерживал? И зачем? У нас класс еще не самый худший.

– Глеб, не начинай. Давай договоримся. Предлагаю тебе соглашение. Ты помогаешь Кате, а по приезду я отдаю тебе свою машину и оплачиваю курсы вождения.

В комнате наступила тишина. Катя стояла на лестнице, глядя в пространство коридора, но ничего не видя перед собой. Щеки ее пылали.

– Свой опель мне отдашь? – недоверчиво переспросил Глеб. – А сам?

– Пока поезжу на рабочем форде. Я серьезно. Сделаю доверенность, со временем переоформлю опель на тебя. Я знаю, что ты давно об этом мечтал. После дня рождения, на каникулах и по вечерам сможешь ходить на курсы. Мне порекомендовали одно место, хорошие инструкторы, гибкий график.

– А мать? Полина не согласится. Ты же знаешь, ее трясет всю, когда я заикаюсь, что за руль сяду.

– Маму я беру на себя.

– Спорим, не...

– Уговорю! – резко бросил отец. – Ну? Согласен?

– Думаю еще, – окрысился Глеб.

– Быстрее думай, мне пора в офис. Ты знаешь, я своему слову всегда верен. Если и ты обещаешь Катю не обижать и защищать, дома и в школе, до конца учебного года.

– Она тут жить будет до экзаменов?!

– Да нет же! После моего возвращения переедет в лицей. Но есть ведь каникулы, а во втором семестре вас будут отпускать на самоподготовку. В общем, она часто будет здесь бывать. Не оставаться же ей в пансионе одной?

– Черт! Черт!

– Не соглашайся, не соглашайся, – шептала Катя, стоя на лестнице и прижимая к груди туфли.

Ей хотелось бросить все и бежать прочь.

– Ладно, – сказал, наконец, Глеб. – С матерью только договорись. Насчет прав.

– Договорюсь. Проследи, чтобы она не превратила Катю в очередную свою игрушку.

– Вот этого не обещаю.

– Постарайся. Я буду звонить.

Катя бросилась вниз по лестнице. Сначала сверху спустился Глеб, скользнул по ней взглядом, упал на диван. Отец сбежал с сумкой, поглядывая на часы, чмокнул Катю в щеку, проговорил:

– Чтобы на связи каждый день. Для тебя я всегда в зоне доступа. Телефон дяди Миши сохранила? Глеб тебе поможет освоиться. Не стесняйся, обращай к нему, если возникнут вопросы. Буду скучать.

Хлопнула дверь. Глеб сидел, глядя на экран смартфона. Пиликали сообщения, парень улыбался, не обращая внимания на гостью. Катя стояла у стены и молчала. Сколько денег у нее на карте? На билет хватит. Ну же, решайся!

– Я уезжаю, – тихо сказала она. – Как мне добраться до города?

Глеб молчал, лишь дергающийся желвак указывал на то, что он слышит. Катя взяла сумку и пошла к двери.

– Как твоя фамилия? – насмешливый тон ударил в спину.

– Самарская.

– Зачем тебе в город? Тут воздушных змеев лучше запустить.

– Очень смешно.

– Слышь, Самарская, тебе отец чё сказал? Сидеть и меня слушаться. Или он тебе все-таки не отец?

– В каком смысле?

– Ну... – Глеб обошел ее и многозначительно опустил взгляд на старые туфельки, немного стоптанные, но еще крепкие. – Всякое бывает. Антон человек небедный. И, оказывается, очень сентиментальный. А тут вдруг раз – и дочка объявилась.

От возмущения у Кати перехватило дыхание. Она молча прошла мимо парня, толкнула дверь. Глеб оказался рядом с ней почти мгновенно, схватился за ручку, на запястье у него звякнули подвески на кожаном шнурке.

– Ладно, ладно. Беру свои слова обратно. Ну подожди. Мы же с тобой уже старые знакомые. И вообще, любые передвижения только с разрешения Антона. Мне тоже через тебя кое-что перепадет.

– Я знаю, слышала.

– Ух, какая ушлая. Тогда заключим перемирие? Я тебя не обижаю, грудью прикрываю от всякого дерьма, а ты потом говоришь отцу, какой я милый.

– Я врать не буду.

– Так и я не буду. Я тоже рискую. Откуда я могу знать, что

хорошая девочка, мало ли. Ладно, ладно, меня твоя альтернативная реальность не касается. Давай поговорим. Все обсудим. О, слышишь? Дождь пошел. Ну куда ты в такую погоду?

Глеб немного приоткрыл дверь. С улицы повеяло сыростью. Если даже Катя благополучно доберется до города, не факт, что успеет на последний автобус в Новолучинск, где живет дед. Даже на такси до автовокзала добираться не близко. А дальше что? Школу пропускать? Катя неохотно кивнула.

– Щас я матери позвоню, – сказал Глеб, не скрывая облегчения. – Хотя смысл ей звонить? Тетю Иру лучше подождем.

– Кого? – переспросила Катя.

– Лешкину няню, – с ухмылкой отозвался Глеб.

Глава 5

Глеб

Брюнетку из кафе звали Тома. С ней все как-то сразу пошло как по маслу. Тома не казалась наивной девушкой, но отбить ее от стада одноклассников, с которыми она веселилась в тот вечер, Глебу и Матвею удалось легко. Глеб предвкушал победу, студентка явно его выделяла, а он старательно пользовался тем, что первым «положил на нее глаз». В конце вечера они с Гурминым проводили Тому домой, и Матвей сказал:

– Семь по шкале. Не самый сложный случай, но дней десять, не меньше.

– Уложусь за восемь, – процедил Глеб.

Матвей пристально посмотрел на него, но вызов принял. Все утро воскресенья Глеб провел, лениво раздумывая над тем, как побыстрее установить с Томой отношения большие, чем приятельские. Его внешность и обаяние ему в плюс, возраст – в минус. Скорей бы днюха.

Вечером все, как всегда, куда-то разбежались. Кирилл уехал на ипподром, уговаривал и племянника, но Глебу скачки были неинтересны. Он побродил по дому, бездумно пожевал что-то на кухне. Звонок матери раздался неожиданно, а то, что она сказала, Глеба просто убило: Антон решил поселить в их доме свою дочь, ту самую. Мать была в курсе. Не

в восторге, но и не против. Глеб начал возмущаться, а она уговаривала его потерпеть.

– Ну что ты, Глебушка? – проговорила она своим слабым голосом. – Это не надолго.

– Блин, Полина, да разведитесь вы уже! – не выдержал Глеб. – Что толку от вашего брака?! Что вас связывает?

– Леша, – выдохнула мать.

Глеб отключился, в гневе швырнул смартфон на диван. Старая песня. У Полины уже давно другой мужик. У Антона небось тоже кто-то есть. Жить ради общего ребенка в состоянии «соседей»? Другие семьи тоже имеют детей и как-то не привязываются к, мягко скажем, далеко не теплому очагу. Тем более, деньги и у матери, и у отчима есть, дом пилить не будут, машины тоже.

К приезду отчима Глеб подготовил целую речь. Хотелось высказать все, что накипело. Только не получилось – Антон привез свою дочь, и при виде нее Глеб обомлел и забыл все, что проговорил в уме.

Та девчонка из кафе. Она стояла и смотрела на него, как будто призрак увидела. И он, надо признаться, чуть себя не выдал, в душе у него волна негодования сменялась непонятной волной радости. Чему он радуется? Тому, что теперь придется дом делить с байстрючкой? Он пересилил эмоции, дал волю недовольству в разговоре с Антоном. Отчим – ушлый мужик, не случайно он столько зарабатывает, в отличие от коллег по искусству. Подмазался «папуля» так, что Глеб

устоять не смог, собственная машина была его мечтой еще с восьмого класса. Рыжая хотела сбежать, Глеб не дал, уговорил остаться. Напрягало его только то, что отчим велел за ней присматривать. Но судя по поведению, и в кафе, и сейчас, девчонка сама была себе на уме, не размазня, авось постоит за себя. Таких жизнь рано обламывает. «Таких» это в туфлях, по которым помойка плачет.

Глеб задумался. В принципе, класс у них нормальный, можно с девками поговорить, чтобы не шпыняли новенькую слишком сильно. Впрочем, всем сейчас не до буллинга, в конце года их жду суровые испытания, а там посмотрим, кто на кого учился и где пригодился. Глеб был почему-то уверен, что дочь Антона – заучка. У них в классе таких почти половина, так что особо выделяться Катя не будет. Имя какой-то старомодное, вид старомодный, даже взгляд исподлобья старорежимный, настороженный, внимательный, словно она ко всему плохому готова – Жанна Д'Арк, блин, только доспехов не хватает и меча.

Короче, сводная сестра (хотя какая она ему сестра?!) Глеба раздражала. Он оставил ее в гостиной, а сам пошел в столовую. Байстрючка где села, на краешке дивана, там и сидела все время, пока не пришла Ирка. Няня тоже была не в восторге, ей и так забот хватает. Переживет. Ирка работает у них два года, уже прижилась, все ее за мебель считают. Полина ей хорошо платит, вещи дарит, обувь, духи, надоевшие безделушки. Пыталась из деревенщины нормальную девуш-

ку выковать – Ирка не поддавалась, так и осталась блеклой молью, хотя ей всего двадцать шесть. Глеб в шутку звал ее «тетей Ирой».

Байстрючка все время молчала. Ирка по телефону получила у Полины инструкции, судя по поджатым губам няни, очень по отношению к Рыжей лояльные. Лешка, разумеется, прибежал знакомиться. Наивная душа, Глеб тоже когда-то таким был, чему-то верил, радовался новым людям. Рядом с разговорчивым мелким Рыжая заметно расслабилась. Глеб взял ее номер телефона, обещал сбросить задание на понедельник, ссылки на сайт лица и книжный портал, где можно заказать нужные учебники. Можно сказать, норму обещанного на сегодня выполнил.

Он позвонил Томе. Заговорил дружелюбно, в душе понимая, что копирует манеры Матвея. А почему нет? Перенимай, но совершенствуй перенятое.

– Привет. Хотел тебе кое-что сбросить?

– Что? – заинтересовалась Тома.

– Электронный билет на концерт фортепианной музыки. Ты говорила, что хочешь пойти. Я тут думал о тебе, посмотрел, а у меня там бонус как раз пропадет.

Глеб врал. Никаких бонусов в популярной системе «Театрал» у него не было. Но Матвей тоже слышал, как третьекурсница распространялась на тему, какая она начитанная и культурная. Гурмин однозначно принял меры, небось все это время на линии с «жертвой» и висел.

– Один билет? – немного растерянным голосом спросила Тома.

– Ну да. Тебе. Я не хочу навязываться. Просто бонусы скопились. Я на всех таких мероприятиях бываю.

– Глеб, а меня уже пригласили. Матвей.

Глеб сделал паузу. Потом тихо и горько произнес:

– А. Ну что ж. Приятно вам повеселиться. Я... понял. Больше беспокоить не буду.

– Ну... подожди, – зачастила Тома. – Ты что, обиделся?

– Нет, что ты. Мы с Матвеем друзья. Он мой самый лучший друг. Проблема в том, что у нас очень похожи вкусы. Матвей классный, я знаю, а я вечно... в пролете. Извини, что запал на тебя. Я думал, он опять, как всегда, больше прикалывается. Еще раз прости.

– Глеб... ты. Может, мы вместе куда-нибудь после концерта сходим? Втроем?

– Втроем? – с той же горькой, наигранной усмешкой переспросил Глеб. – Ты понимаешь, каково мне будет... видеть тебя рядом с ним?

– Ну, вдвоем... хорошо, вдвоём! Поговорим. Разберемся во всем. Какая-то странная ситуация. Мне некайфово от того, что ты только что сказал.

– Я буду счастлив, если ты позволишь мне все объяснить.

– Хорошо. В девять в парке, у памятника Пушкину.

– Договорились.

После разговора Глеб вышел в коридор в очень хорошем

настроении. Из комнаты Рыжей не доносилось ни звука. Позвать ее пожать, что ли? Полина поздно вернется, разумеется, не догадавшись заехать в продуктовый. Пиццу заказать? Накормить байстрючку? А сама разберется, не маленькая, холодильник-то не на замке.

Катя

После того, как ушла Ира, Катя просидела на кровати весь вечер, прислушиваясь к звукам дома. Она слышала перемещения Глеба, то, как он поднялся к себе и говорил по телефону. Его комната была справа. Слева жил Алеша, очень милый десятилетний мальчик. С ним единственным Катя не прочь была бы поболтать, но он ушел к себе, слышно было, как он играет в какую-то игру и негромко что-то восклицает.

В семь Катя начала потихоньку разбирать сумки. Вещи клала на полки так, чтобы легко можно было потом все покидать в рюкзак. Она достала ноутбук, поставила его на стол у окна. Мама отдала ей свой лэптоп, поняв, что бывший жених не даст ей поработать во время лечения. Катя была рада тому, что мама смирилась, хотя бы на время. Они проговорили с ней всю ночь перед отъездом. Мама все понимала, заставляла себя переступить через гордость, сама себя убеждала, приводя разумные доводы.

Катя не знала, есть ли в доме вай-фай. Наверное, есть – Глеб постоянно с телефоном. У самой Кати смартфон был старый, а тариф дешевый, только позвонить. Папа будет ей

писать по интернету, нужно как-то решить этот вопрос.

Она проголодалась, но стоило представить, что придется спускаться на кухню, открывать чужой холодильник, рискуя наткнуться внизу на обитателей дома, как ноющий желудок сжался в спазме. Нет, она потерпит. Отец говорил, в школе кормят. Она бы сейчас многое отдала, чтобы оказаться дома или хотя бы в пансионе – общение с новыми людьми пугало ее меньше, чем внимание родни отца.

Завтра первый учебный день. Сегодня они с отцом планировали проехаться по магазинам, купить одежду и учебники. Ничего не получилось. Держись, Катя.

Она переделалась в спортивный костюм и заснула, не разбирая постель. Показав ей дом, няня Леши просто открыла дверь гостевой спальни, буркнула что-то и ушла. Наверное, следует дожидаться хозяйку дома, вдруг ее переселят в другую комнату. А вдруг она Катю совсем не примет? Странно, что Глеб называет свою маму по имени. Катя позвонила деду, маму беспокоить не стала. Дедушка ее успокоил, сказал, что ждет ее в любой момент. Ну и что, что школа далеко! Люди вон по три часа каждый день на работу добираются, а Кате ехать только два на электричке или полтора на автобусе. Немного успокоившись, она заснула, решив, что возвращение Полины ее в любом случае разбудит.

Катя проснулась в шесть утра. Желудок ныл. В доме царил тишина. В школу к девяти, непривычно. Как добираться? Что брать с собой? Ничего не понятно. Она оделась в

то, что было менее помятым – черную школьную юбку и синюю блузку – и села на диване. И уже собиралась звонить отцу, подождав до семи, как в коридоре послышался шум, и в дверь постучали.

– Вставай. Твой папуля вызвал для нас машину. Очень мило с его стороны.

Катя спустилась в гостиную через несколько минут. Глеб стоял у телевизора с пультом в одной руке и кружкой кофе в другой. В отлично выглаженной рубашке и в брюках с ровными стрелками. Мимо Кати прошла высокая женщина в фартуке и со стопкой постельного белья в руках, довольно вежливо с ней поздоровалась, бросив на девушку любопытный взгляд.

– Вика, наша приходящая домработница, – кинул Глеб через плечо. – Если что, к ней обращайся. Она у нас с семи до двенадцати.

– А твоя мама?

– Ее дома нет. Она вчера заночевала... у подруги. На кухне кофе, если че.

Катя кивнула, зашла в столовую. Кофейник стоял на подставке-подогреве внутри кофе-машины. Катя такие только в кино видела. Она нашла чашку на подставке рядом с мойкой, покосилась на холодильник, плеснула себе черного кофе. Вкусно. Желудок еще больше возмутился, в голове зашумело. Сахар надо положить. Сахарница-дозатор тоже была на столе. От сладкого кофе стало легче. А отец еще при-

читал – говорил, дескать, плохо, что она кусочничает. Вот и пригодилась привычка к нерегулярному питанию.

– Что, погнали? – спросил Глеб, входя в столовую и глядя на свои дорогие часы.

У дома стояла машина, за рулем был молодой парень в строгом костюме. Глеб запрыгнул в салон с довольным видом, сверкнул глазами, ядовито сообщил:

– Антон расстарался. Десять дней кататься будем как белые люди. Достали электрички.

Они доехали за полчаса. Всю дорогу Глеб молчал, глядя в окно и слушая что-то в наушниках. Катя тоже смотрела на знакомые уже тополя вдоль дороги.

– Послушай, – обратилась она к Глебу уже у ворот школы. – Что мы скажем? В смысле... что нам говорить? Кто мы друг другу?

– Говори, что никто, – сказал парень, останавливаясь. – Мы и есть никто. Ладно, раз Антон засветился, дальние родственники. Сейчас классную выцепим. Она наверняка захочет официально тебя представить.

От сарказма в словах сводного брата Катя вся похолодела. Только официоза ей не хватало. У нее не было ученической карты для входа, и она осталась ждать Глеба на первом этаже, у трипода. По ступенькам сбегала молодая женщина, очень симпатичная, голубоглазая блондинка с пышными формами. Приветливо обратилась к Кате, пропуская ее через трипод по своей карте:

– Ты Самарская Катя? Я Арина Демидовна Ворожей, классная руководительница одиннадцатого «А». Добро пожаловать в наш лицей. Идем. У вас сейчас литература, как раз мой урок.

Они поднялись на второй этаж. Здание лицея было небольшим и очень уютным: диванчики в нишах, растения в кадках. Катю удивило то, что каждый класс имел стеклянное окно на всю стену, выходящее в коридор. Как в западных фильмах, подумала она, чтобы преподаватели могли все видеть.

– Сейчас в классе восемнадцать человек, с тобой девятнадцать. Ребята хорошие. Ты в какой школе училась? В шестидесятой? Твой папа говорил, ты гуманитарий. Тебе у нас понравится.

Сердце Кати чуть не выскочило из груди, когда она заходила в класс.

– Поприветствуйте новую ученицу, – торжественно сказала Арина Демидовна. – Это Катя Самарская, она перевелась к нам из шестидесятой СОШ. Пожалуйста, проявите понимание и помогите новой однокласснице поскорее освоиться.

Как в началке, с тоской подумала Катя, слушая щебет классной руководительницы. Разве можно так с подростками? Она решила поднять глаза на одноклассников. Взгляды были разные. В основном, любопытные, некоторые откровенно насмешливые. Катя и сама понимала, как выглядит в сравнении с детьми из обеспеченных семей.

– Ты хорошо видишь? – озабоченно поинтересовалась Арина Демидовна.

– Да, – отозвалась Катя.

– Тогда садись назад, за четвертую парту. Впрочем, куда удобно, туда и садись.

Парт было много, некоторые одиннадцатиклассники сидели по одному. Катя двинулась по ряду, отчаянно стараясь не краснеть под восемнадцатью парами глаз. Семнадцатью. Глеб сидел на первом ряду у окна и смотрел в окно. Рядом с ним на свободном стуле стоял его рюкзак.

Кто-то схватил Катю за руку. Она удивленно перевела взгляд влево. И вздрогнула. Тот парень из кафе, второй, тот, что повыше Глеба, его друг. Он крепко держал ее за руку, глядя снизу вверх. Она потянула руку, он перехватил ее покрепче, скользя пальцами вверх, на запястье, под манжет рубашки.

– Арина Демидовна, а можно новенькая со мной сядет? – громко сказал он.

– О-о-о! – отозвался класс, весело зашумев.

– Матвей, – немного раздраженно проговорила учительница, оборачиваясь от доски, на которой писала число и тему. – Вот ты как всегда! Дай человеку освоиться, не смущай. Так, все тихо! Обрадовались!

Парень медленно разжал руку, продолжая смотреть на Катю. От этого взгляда ей стало не по себе. Глеб тоже смотрел на нее, кривясь. Хоть бы предупредил, что они с тем пар-

нем вместе учатся. Катя подошла к четвертой парте, хотела пройти мимо, но девочка за ней убрала со стула свою сумку, приветливо кивнув. Катя села, чувствуя, как колотится сердце. Соседка по парте подвинула учебник на середину стола. Арина Демидовна уже что-то рассказывала у доски. Было непривычно тихо, все слушали и писали, совсем не так, как в старой Катиной школе.

– Привет. Я Эля, – представилась соседка.

У нее было симпатичное широкое лицо, очень простое и добродушное. Катя с благодарностью ей улыбнулась.

Глава 6

Катя

После урока Эля не спешила вставать и переходить в другой класс, а достала из сумки свой мобильный, поставленный на беззвучный режим, и сказала Кате:

– Диктуй свой номер. Я тебя в группу класса добавлю и, вообще, вдруг вопросы будут.

Катя продиктовала цифры сотового. Эля просмотрела контактные данные и удивленно сказала:

– Ни одного мессенджера на твоём номере нет.

Катя молча продемонстрировала Эле свой допотопный мобильник. На стареньком эл-джи можно было поиграть в несколько игр, проверить почту и посидеть во ВКонтакте. И все.

– Ты это принципиально, как борец против засилья смартфонов, или родители отобрали?

– У меня скоро будет смартфон, – уклончиво сказала Катя. – Все никак выбраться не могу в этот... Мега-Шоп.

– Мега-Город. Слушай, – Эля оживилась, – если пойдешь покупать смартфон, возьми меня с собой. Я обожаю гаджеты выбирать и в них разбираюсь, честно. Хочешь, перечислю все флагманы этого года? Заодно и выберешь.

– Флагман я не потяну, – призналась Катя.

К ее приятному удивлению, Эля только фыркнула:

– Тогда тебе точно со мной нужно идти. Я в бюджетных моделях не хуже секу.

– Хорошо, я рада буду. А почему мы из кабинета не уходим? – спросила Катя.

– А у нас сегодня гуманитарный блок, – отозвалась Эля. – Литература, пара русского, английского две пары: грамматика и перевод. Все в этом кабинете. Химия, физика и биология в другом крыле.

Уроки продолжились. На русском Катя немного расслабилась, даже ответила с места на несколько вопросов Арины Демидовны. Класс действовал слаженно, Арина Демидовна не слишком затруднялась с поддержанием дисциплины и даже позволяла ученикам общаться и разбирать некоторые задания сообща. У всех на лицах была заинтересованность, многие ребята буквально забрасывали учительницу вопросами и не отставали, пока классная не объясняла все. Катя не переставала удивляться. В ее бывшей школе на уроках работало лишь несколько человек, а старание и повышенная активность считались чем-то унижительным, вроде попытки выставить себя заучкой или, наоборот, тупицей. Самыми популярными ребятами там были не те, кто хорошо учился, а те, кто были богаче, имели больше друзей в сетях или активнее всего проявляли себя в общении с противоположным полом.

– Куда поступать будешь? – шепнула Эля в паузе между заданиями.

– В Питер хотела, – тихо сказала Катя, – но это... заоблачная какая-то мечта. У меня мама болеет. Я, наверное, в Каратов поеду. Там три филиала сразу: экономический, лингвистический и техноложка.

– Каратов? Ага, у нас многие туда поступают.

В конце урока был тест. Катя надеялась, что справилась с ним процентов на девяносто, большинство тем они недавно повторяли с репетитором. Она волновалась о том, как будет расставлять свои допы – в лицее уроки заканчивались почти в четыре. Видимо, действительно придется переходить на занятия онлайн.

После второй пары началась большая перемена. Она длилась целый час. Одноклассники потянулись в столовую, и Катя пошла вместе с Элей, радуясь тому, что может, наконец, нормально поесть. Она видела Глеба в толпе. Он говорил с тем парнем, Матвеем, что доставил Кате несколько неприятных минут на первом уроке. Странно, но Глеб и Матвей будто бы ссорились: Матвей что-то выговаривал Глебу, а тот явно огрызался.

Катя почти дошла до столовой, но в коридоре ее перехватила Арина Демидовна. Классная, раскрасневшаяся, с ходящей ходуном пышной грудью, сбежала по ступенькам и, задыхаясь, проговорила:

– Самарская, Катюша! Со мной в учительскую, срочно! Твои данные нужны, подпиши по допам, документы по внеклассовым и платным мне завтра сдавать.

Катя поплелась за учительницей. Ее все сильнее подташнивало, голова кружилась. Она надеялась, что успеет в столовую, разобравшись с документами. Антон Васильевич успел отдать большинство бумаг маме на подпись, но некоторые анкеты Катя должна была заполнить сама. Классная очень деликатно обошла вопрос их с отцом неродства по документам, и Катя была ей за это благодарна.

Она вернулась в класс за пятнадцать минут до звонка на урок, еле передвигаясь и не представляя, как выдержит еще две пары. В отличие от прежней школы Кати, на английском класс делился на совсем крохотные группы, видимо, потому что учеников в нем было в два раза меньше, чем в ее бывшем одиннадцатом «бэ».

– Мы сегодня вместе со второй группой, Вера Романовна болеет, – «обрадовала» ее Эля. – Настюша попросила повесить на доску таблицы по грамматике. Тест, наверное, будет.

В груди у Кати заворочался ком тревоги, и тошнить стало сильнее. Она пошла с Элей к доске и заметила, что со второй парты за ней внимательно наблюдает Матвей. Глеб, надев наушники, сидел с телефоном в руке у окна.

Это произошло как-то неожиданно: стены поплыли перед глазами, в голове стало пусто и воздушно. Все закружилось, Катя отступила назад и начала падать, теряя сознание. Последнее, что она услышала, были возгласы, скрип отодвигаемой парты и грохот стульев. Она упала не на пол, а на что-то мягкое: в чьи-то руки, что ее придержали, на чье-то плечо.

Отключилась она не полностью: слышала голоса и видела встревоженное лицо Эли перед собой. Остальное было как в тумане. Голова казалась воздушным шариком, наполненным воздухом – ни одной мысли, только легкое недоумение: что с ней происходит? Ее подняли и посадили на стул. От этого движения все опять поплыло. Когда Катя очнулась окончательно (в нос ударила струя отвратительно свежего, холодного запаха), рядом с ней сидел Матвей, а над ней стояла высокая женщина в белом халате и с флакончиком в руке.

– До медкабинета дойти сможешь? – озабоченным тоном спросила женщина (фельдшер, заторможенно догадалась Катя).

Катя кивнула.

– Ребята, помогите ей, – сказала медработник.

Рядом со стула вскочил Матвей, обежал вокруг стола, подмигнул Кате, подставляя плечо. Она с трудом встала и покачнулась. Тогда парень шутливо рявкнул:

– Держись!

Присел и поднял Катю на руки. Она вскрикнула, рефлексивно схватилась за его шею, потому что он почти бегом понесся к выходу. Весь класс засвистел и возбужденно загомонил.

– Осторожно, Гурмин! – сказала Эля и пошла за ними. – Не выпендривайся!

Катя успела увидеть, как Глеб равнодушно смотрит им вслед, а потом разворачивается к окну. Матвей чуть не вре-

зался во входящую в класс учительницу английского, очень удивившуюся. Он донес Катю до лестницы, и там она запротестовала. Тогда Матвей поставил ее на ноги и вел, подхватив под плечо.

Ребята остались ждать Катю у кабинета, а фельдшер завела ее внутрь, послушала сердцебиение, заглянула в глаза и померила температуру.

Строго и неодобрительно сказала:

– Так, признавайся, на диете сидишь! Что там у вас на этот раз? Капустный листок по будням, сельдерей по праздникам?

– Не сижу, – вяло отозвалась Катя. – Я у родственников сейчас живу, только переехала. Вчера не поела... и сегодня не успела.

Взгляд фельдшера смягчился. Она принялась быстро писать что-то на листках бумаги, а поверх написанного приложила печать.

– Вот. Одну записку учителю, освобождение от текущего урока, вторую в столовую на комплексный диетический обед. Прямо сейчас иди кушать. Пусть одноклассники доведут, а то мало ли... ветром унесет. И на осмотр к врачу в поликлинику. Восемнадцать есть уже? Тогда в детскую, по месту прописки.

Катя вышла в коридор. Эля и Матвей заспорили.

– Тебе бы только прогулять, Миулина, – саркастически заметил Гурмин. – Иди на урок, троечница. Настюша на про-

шлом уроке говорила, у тебя оценок мало.

– Все-то ты замечаешь, Гурмин! А сам-то! – Эля фыркнула, но на урок вернулась.

– Ну что, идем? – спросил Матвей, когда Эля ушла. – Настюша, кстати, это преподша по английскому. Она немного социофобка, а так норм.

Катя улыбнулась. В столовой ей выдали суп, паровую котлету, салат и немного овсянки. Она села за стол, тупо глядя перед собой. Потом начала есть, подбадриваемая Матвеем. Все было очень вкусно.

– Прикинь, сейчас весь класс на ушах стоит, – Гурмин засмеялся, глядя в телефон, – все обсуждают твой обморок и мое джентльменское поведение. Нет, не вслух, конечно, у Настюши не забалуешь, – в ватсапе. Сейчас я им кину пару ласковых, – он написал что-то, быстро двигая пальцами, сообщение ушло. – Пипец, расшалились, – с довольной улыбкой проговорил одноклассник, всматриваясь в появляющиеся на экране «пузыри». – Все, Настюша заметила и веселье обломала.

Катя вновь смущенно улыбнулась. Она ела, и постепенно к ней возвращались силы. А с ними и ясность в голове. Это же она теперь – предмет насмешек для всего класса! По крайней мере, в ее прежней школе так все и было бы. Что за невезение! В первый же день опозориться!

– Так чего тебя вырубило? – поинтересовался Гурмин.

– Замоталась, – пробормотал Катя. – Поесть нормально

не удалось. Устала еще.

– А... ну первый день, напряг... да. А ты правда Глебу сестра?

Катя удивилась, потом досадливо тряхнула головой, догадавшись. Они же с Никитиным друзья. Глеб запретил ей кому-то говорить, зато сам моментально выболтал.

– Да, сестра.

– А я так и подумал, – Гурмин широко улыбнулся, взгляд его при этом был испытывающий, напряженный, – еще в кафе. Доверительно уж очень вы там болтали.

– Нет, – Катя отхлебнула чай и с удивлением посмотрела на чашку – какая красивая! А у них в школе граненые стаканы. – Мы тогда еще знакомы не были. На следующий день познакомились. Так получилось... дела семейные.

– А... – Матвей как-то на глазах поскуцнел. – Понятно. Наелась? Нам пора.

Катя аккуратно вытерла рот салфеткой и встала с пластикового стула. Дешевая юбка из синтетики, затрещав, задралась и облепила ноги и бедра. Катя потянула ее вниз и быстро посмотрела на Гурмина. Заметил ли он? Заметил. Поглядел тяжело, так, что Кате стало жарко. Он был липким, этот взгляд, очень откровенным. А Матвей даже не думал притворяться и играть в благопристойность. Он и Кате в глаза посмотрел так, что она все поняла – он ее оценивает, по-мужски. Гурман развернулся и пошел в класс, больше не предлагая свою помощь. Катя не знала, радоваться ли ей или

обижаться.

Она вернулась на урок, преодолевая неловкость. К ее удивлению, никто не обратил на нее внимания – «англичанка» гоняла класс по грамматическим упражнениям. У Кати с грамматикой было неплохо, только некоторые темы не очень удавались. К счастью, когда очередь дошла до нее, она внятно и уверенно смогла выговорить:

– He said he wouldn't pay for that. (* Он сказал, что не будет это оплачивать)

– Shit happens (*Случается и такое дерьмо), – невинным голосом прокомментировал Матвей.

Все засмеялись, а Настюша, цыкнув на Гурмина, кивнула Кате, мол, вижу, довольна, и переключилась на ответы других ребят.

...После школы Катя чувствовала себя намного лучше. Но сердце опять провалилось куда-то в желудок, когда, выйдя из здания после уроков, она увидела стоявшего у машины мрачного Глеба.

– Садись, – буркнул тот.

Ехали они молча, и только у коттеджного поселка Глеб со злой интонацией бросил:

– Надо поговорить.

– Хорошо.

Глеб зашел в дом... и хлопнул дверью перед носом у Кати. Не специально, просто не придержал тугую пружину. А

может, специально. В доме было тихо, лишь из глубины доносились негромкие голоса. Проходя мимо кухни, Катя увидела за столом Лешу и его няню. Ира кормила мальчика ужином. Лешка весело поздоровался, а няня лишь зыркнула, поджав губы. Какая странная девушка, угрюмая, смотрит, словно Катя ей что-то должна.

В комнате было прибрано, Катю это немного смутило – она помнила, что оставила на спинке стула домашнюю кофту, а теперь она висела в шкафу. В дверь постучали. Катя открыла и пустила сводного брата внутрь. Тот уселся в кресло и сказал, вперив в нее яростный взгляд:

– Какого, вообще?

Катя молчала.

– Ты чего, ни хрена за целый день не съела?

Катя помотала головой.

– Выпендриваешься? Или опозорить меня хочешь? Типа тебя тут голодом морят? Мне Арина высказала свое... недоумение. Зашквар полный!

– Слушай, прекрати, – сказала Катя. – Так получилось, никто не виноват и...

– Это ты слушай, – резко перебил ее Глеб, – раз уж вышло, что ты тут живешь, значит, живи и радуйся. Не надо ломаться и изображать бедную родственницу... хотя ты оно и есть. Антон тебе деньги дал? Дал. Давай жри нормально, не нравится наше, покупай, готовь, что хочешь. Руки есть? Значит, шевели ручками. Шмотки свои постирай, а лучше

выкинь, купи новые. Мне по поводу тебя не только Арина сегодня высказалась.

– А кто еще? – вспыхнула Катя. – Почему? Что?

– Неважно, – процедил сквозь зубы Глеб. – Ты выглядишь, как будто... тоже неважно. Вечером Полина придет, познакомлю вас. Приведи себя в порядок. Спускайся вниз, пожри нормально. У меня слишком многое на карту поставлено, чтобы ты тут сиротинушку изображала.

– Я не изображаю!

– Рот поуже, голос потише. Жду тебя внизу. И зубы почишь.

После ухода Глеба Катя несколько раз прошлась по комнате, стараясь успокоиться. Что он себе позволяет?! Нет, нужно уезжать! Лучше каждый день тратить время на долгую дорогу, чем жить с такой свиньей. Катя открыла шкаф, достала сумку и принялась кидать в нее вещи. Дверь резко распахнулась. Глеб оказался рядом, попытавшись вырвать у нее сумку, громко сказал:

– Все, харэ, харэ! Так и думал, что распахнуешься. Слушай, Самарская... Да хватит же! Ну извини, нагрубил! Давай жить дружно!

– Что?! – Катя даже рассмеялась. – Дружно жить с такой бедной родственницей, как я? Корона не спадет, принц?

– Да ты наглая, – с каким-то чуть ли не восхищенным недоумением проговорил Глеб, отпуская сумку. – Ну... уходи тогда. Антону сейчас только с тобой проблем не хвата-

ло, у него там какой-то трабл в Москве. А тут еще доченька «радость» подкинет. Типа не ужилась, обидели, выставили на ночь глядя.

– Какой трабл? – тут же забыв о ссоре, спросила Катя. – Он тебе звонил?

– Конечно, только что, контролирует меня. Я сказал, все хорошо. Он сразу успокоился, сказал, задержится дольше, чем планировал. Он и тебе позвонит, позже. Слушай, – Глеб почесал в затылке, продолжил уже почти миролюбиво, – ну раз мы в одной лодке, давай не будем ее топить, сами же нахлебаемся. Ты мне говори, чего тебе надо, я подскажу. Мне плевать, как ты выглядишь, во что ты одета, но не позорь Никитиных, Самарская, – это все, что я прошу. В конце концов, это недолго, переедешь в свой пансион и будем опять друг друга не знать... ну... кроме школы.

Катя села на край кровати и задумалась.

– Когда Антон вернется?

– Дней десять.

– Ладно. Пароль мне от вай-фая скажи. И еще: что не так с моими вещами? Они чистые.

– Ну... – Глеб помялся. – Это Матвей. Он с тобой... тесно пообщался. Давай не будем.

– Будем. Скажи. Мне в твоём классе до весны учиться. Он что, сказал, что я грязная?

– Ну... сказал, у тебя изо рта пахнет. И что ты в сарае каком-то, наверное, жила, одежда сыростью воняет. Да, не

злись. Он debil. А у людей у многих изо рта воняет, когда желудок пустой или болит. Понимаешь, он меня хотел обвинить в одной подставе. Поэтому к тебе пристал. Не хочешь дерьма – не водись с ним, Самарская.

Пока Глеб пересказывал ей разговор с Гурминым, делился, так сказать, впечатлениями Матвея от общения с новой одноклассницей, Катя сидела ни жива ни мертва, чувствуя, как наливаются жаром щеки. Она сразу поверила Глебу. Да, Гурмин неискренен, несмотря на помощь и все его шутки-прибаутки. Ее сводный брат, оказывается, вовсе с ним не дружит, а Матвей наговорил Глебу гадостей о ней, потому что узнал, что новенькая – сестра его недруга. Странно, Кате сначала показалось, что Гурмин и Никитин – приятели. Она спросила, почему они липли к ней в кафе, а Глеб, стараясь не встречаться с ней глазами, ответил, что принял ее за другую девушку. Это было *очень* странно. Глеб вышел, а Катя сидела, переваривая услышанное и пытаясь справиться с горькой обидой. За что?

...Она приняла душ, тщательно вымыла волосы, которые быстро засаливались и требовали ежедневного ухода и специального шампуня, решила и спустилась вниз. На кухне хозяйничал Лешка. Младший Никитин нарезал хлеб большими, неровными, толстыми кусками. На разделочном столе лежали палка колбасы, ветчина и сыр в обертке. У Кати потеплело на душе. Леша ведь ее брат, по отцу, но наполо-

вину родной .

– Привет, – еще раз поздоровалась она. – Слушай, можешь показать, как у вас тут стирать? И где сушить.

Катя сомневалась, что десятилетний мальчик в курсе домашних дел, но Леша повел ее в подвал, показал стиральную машину, средства для стирки, а затем сушилку у задней двери. Катя загрузила вещи в барабан, и они с Лешей вернулись на кухню. Лешка делал бутерброды. Спросил деловито:

– Тебе с чем?

– М-м-м... Вон с той колбасой.

– И сыром?

– И сыром.

– А овощи?

– Огурец, пожалуй.

– Свежий или соленый?

– Ну ты просто шеф-повар, – засмеялась Катя.

Леша покраснел от похвалы, с серьезным видом доделал бутерброд и положил его Кате на тарелку.

– Сейчас чай налью. Вика обед приготовила, но Кирилл днем все съел.

– А почему вам не оставил? – Катя нахмурилась.

Кирилл нравился ей все меньше даже заочно.

– Ну... он любит котлеты. Может, подумал, что мы с Глебом опять в кафе поедим? – Леша философски пожал плечами. – Мы часто так делаем. Или Глеб еду на дом заказывает.

– А мама ваша где?

– У нее бизнес, бутик в магазине «Мега-Город», она все время там.

– И ночует?

– Наверное. Все равно пицца вкуснее, чем мама готовит.

Катя только покачала головой. Очень непривычно. Чужая семья, конечно, – это чужой монастырь и вообще, потемки, кто как привык, так и живет. Но все-таки хорошо, что она скоро переедет в школу.

Глава 7

Глеб

Мать домой в тот день так и не приехала. Ну и ладно. Глеб слышал, как девчонка лазала по дому, возилась на кухне, болтала о чем-то с Лешкой. Осмелела.

Байстрючка, конечно же, была в шоке. Глеб пожалел, что выверился на нее. Но уж очень гадкое настроение у него было, и Самарская к нему еще минусов добавила.

Гурмин зацепил его на перовой перемене, схватил за руку, зло глядя в лицо, бросил:

– Поболтаем?

Глеб вырвался, пошел за Матвеем к окну.

– Что, Никитин, захотел халявы?

– Чё тебе надо, Гурмин? Приснилось что-то?

– Ну ты и поймал подставу! Думал я не пойму?

– Да выразишь ты уже членораздельно! – Глеб саркастически поднял губу, произнеся последнее слово как два разных.

– Собирался меня развести? Договорился с этой... Самарской, что разведете меня вместе, как лоха?

До Глеба дошло, он чуть не заржал в голос. О том, что Матвей может предположить сговор, он и не подумал, уж слишком его выбило появление «сестрички» в доме.

– Да не разводил я тебя! – раздраженно объяснил он Гурмину. – Я с ней в тот момент вообще знаком не был. Мы по-

знакомились с ней на следующий день, в воскресенье. Антон привел. Это моя сестра по отцу. Я что, стал бы так палиться, зная, что она к нам в школу переходит?

Матвей смотрел на него, исподлобья, поджав губы.

– Какая, блин, сестра?

– По отцу! Типа общий папаша. Антон накосячил до встречи с мамой. Теперь у них с дочуркой все тихо-мирно, она у нас живет, временно. Я понятия не имел. Хочешь – спроси сам. Она лохушка полная, честнарик, не сомневайся.

– И спрошу, – процедил Гурмин.

Он действительно спросил, воспользовавшись тем, что Самарская при всех хлопнулась в обморок. Арина потом Глебу полчаса выговаривала, что у девочки стресс и к тому же покушать нормально не удалось, мол, проследите. Покушать, блин. Классная Глеба вымораживала. Ходит, трясет своим пятым размером, глазами хлопает. Кто таких, вообще, в школу берет? Директриса за воспитанием патриотизма не сечет, что парни на Арину реагируют не по-детски, когда она у доски наклоняется? Хоть бы блузки носила не в обтяг.

Матвей подозвал Глеба на третьей перемене, сказал, криво улыбнувшись:

– Ну ладно. Прощаю. Что за метелка?

– А что? – Глеба почему-то неприятно задело. – Сам к ней в кафе клеился.

– Так то в кафе. Она моется-то? Голова грязная, изо рта воняет, от одежды тоже.

Глеб только дернул плечом: от него-то Матвей чего хочет? Он Самарской не нянька.

Прошло два дня. Антон позванивал байстрючке, мать не появлялась, Ирка ходила букой, Вика, домработница, совсем обленилась. Самарская завела друзей в классе, Миулину и Бобринюк. Гурмин вел себя странно – постоянно находился с новенькой в интерактиве: то слово вставит, то спросит что-нибудь...

Глеб вечерами заходил в кафе у заправки, где обедали дальнобойщики, ему нравилось слушать гул усталых голосов, грубый мужской смех, это отвлекало от мрачных мыслей. Дома Лешка и байстрючка справлялись сами, девчонка покупала что-то, готовила для мелкого. Пусть отрабатывает проживание. Полина позвонила, сказала приедет. Глеб с нетерпением ждал мать, признаваясь самому себе, что скучает по ее бестолковому лепету. На душе было тяжело.

Предыдущим вечером они долго болтали с Томой по видео. Тамара позвонила ему сама, и он понял – она уже влюблена в него. Это неожиданно резануло Глеба по сердцу. Тома – нормальная девушка, прикольная, наивная в чем-то, уже один раз на парне обожглась, но все равно ждет большой и чистой любви. Ухаживания Глеба и Матвея ее смущают. И видно, что Глеб девушке очень нравится. В конце беседы Тома, немного запинаясь, пригласила его к себе домой. Победа фактически была у Глеба в кармане, даже билеты в театр не понадобились. Но после разговора на душе было так пакост-

но, что он не мог заснуть, хотя днем мечтал перехватить пару часов сна. Технически тр*хнуть Тому проблем не составит, она симпатичная, он на нее реагирует. Почему-то перед глазами встало лицо Кати в тот вечер, в кафе. Глеб с усилием отбросил от себя воспоминание и вернулся мыслями к Томе. Он думал и представлял, как все это будет. И как он потом покажет видео Матвею. Распсиховался. Пошел к «сестричке», предупредить, что с минуты на минуту приедет Полина.

Глеб постучал к ней в комнату, молча показал: выходи. Сам остался в коридоре, встал, опершись о перила лестницы. Катя и сама слышала шум двигателя автомобиля – ее окно было прямо над гаражом. Она быстро причесалась в ванной, кивнула своему отражению: бояться нечего, отец звонит каждый день. Мама, конечно, расстроилась из-за того, что Кате приходится жить в чужом доме, но голос у нее был слабый, она призналась, что из-за лекарств и процедур чувствует себя очень расслабленной и много спит, словно организм, измученный многолетней напряженной работой, дорвался до отдыха.

В общем, Полину Катя уже не боялась. Лешка и Глеб отзывались о маме с любовью, но как-то покровительственно, по их колким замечаниям было понятно, что они считают мать кем-то вроде ребенка.

Катя вышла. Прислушалась. Что за звук? А, это телевизор работает. Непривычно. Никто из обитателей дома еще ни разу при ней огромную плазму в гостиной не включал. А та-

инственного Кирилла, который вел ночной образ жизни, Катя вообще не слышала и не видела, лишь замечала признаки его присутствия по пустому холодильнику и груде грязных вещей в постирочной. Кирилл был родным братом Полины, и его поведение было понятным, хоть и неприятным.

Глеб стоял к ней спиной, намного наклонившись над пролетом. Катя как-то интуитивно поняла, что он все еще сильно напряжен и расстроен. Он в этом состоянии он уже несколько дней. Неужели это из-за ее предстоящего знакомства с Полиной? Вряд ли. После последнего разговора на повышенных тонах у них что-то вроде перемирия: Глеб не трогает Катю, а Катя говорит отцу, как у них все хорошо.

– Глеб, ты чего? – робко начала она, подходя ближе. – Что-то не так?

Глеб вдруг резко развернулся, и оказался к Кате лицом к лицу, благодаря росту возвышаясь над ней почти на голову. Она почувствовала его дыхание на волосах и поняла, что стремительно краснеет. Отвела взгляд от его шеи – легче не стало, вернулась глазами назад – к еще большему своему смущению рассмотрела, как небрежно заправленная с одной стороны в джинсы темно-красная футболка обтягивает живот и рельефный пресс. И снова руки в карманах, кожаные ремешки на запястьях подчеркивают, какие у него красивые, сильные предплечья. Глеб смотрел вверх ее головы.

– А если не так, чем сможешь? – с вызовом и обычной усмешкой в голосе проговорил он.

– Я... я... я же не знаю, что случилось, – запинаясь, про-
бормотала Катя.

Глеб медленно опустил на нее взгляд:

– Нравственная дилемма случилась. Знаешь, что это та-
кое? Вот ты, Самарская, как думаешь, совершить подлость...
ну не подлость, может, а гадкий поступок – это нормально?

– Нет, конечно. Как это может быть нормой?

Глеб хмыкнул, продолжая изучать ее лицо вблизи, словно
задавшись целью запомнить каждую черту. Это очень сму-
щало.

– А кто сейчас это разделяет: добро и зло? Ты давно в соц-
сетях бывала? Зайди, поинтересуйся. Там все видно. Люди
только хвастаются своей... говнистостью, выставляют напо-
каз то, скольких людей они опустили, скольких на бабло раз-
вели, кого отымели. Так?

– Ну и пусть, – сказала Катя, пожав плечами. – Это их
совесть, им с ней жить.

– Да, и живут ведь, вполне уживаются, многие даже бога-
теют и на популярность себе зарабатывают.

– Если они не понимают, это их проблемы. Ты же пони-
маешь.

– Я?

– Конечно. Иначе не задал бы этот вопрос. У тебя бы его
просто не возникло.

– Вот как? – что-то странное мелькнуло у Глеба в глазах,
он наклонил голову набок. – То есть, если я сделаю кому-то

подлянку, мне будет херово, потому что у меня совесть есть. А если кто-то другой – ему по барабану. И никакого там рая, ада, только я и моя память. Так?

– Так, – Катя храбро выдержала его взгляд и торопливо добавила: – Я не знаю насчет... вечного. Я пока не решила... во что я верю.

– Ну ладно, Самарская, – медленно проговорил Глеб, продолжая смотреть ей в глаза. – Вся ответственность теперь на тебе.

– За что? – испугалась она.

– Узнаешь, если я захочу. Только я вряд ли захочу. Пойдем.

... Очень удивленная и встревоженная странным разговором, Катя спустилась вниз. Полина лежала на диване. Услышав шаги, женщина села, поджав ноги, и улыбнулась. Катя впервые видела жену отца вживую. В свои тридцать семь Полина была очень красива. Одежда, подобранная со вкусом и без вычурности, подчеркивала его хрупкость и женственность.

На Полине был элегантный деловой костюм: блузка, пиджак с широкими лацканами, обрисовывающими грудь, и узкая юбка выше колена. Лицо у женщины было необычным – с узким носиком и вытянутыми к вискам глазами. «На лисичку похожа», – подумала Катя. Однако взгляд у Полины был не лисий – простодушный. Теперь понятно стало, отку-

да у Глеба такая завораживающая внешность. Он был похож на мать верхней частью лица, только с поправкой на мужественность.

– Ой, – томно сказала Полина, поправляя волосы, крашенные в изумительный блонд. – Ты Лиза, да?

– Мама, это Катя, я же говорил, – тоном мученика сказал Глеб.

– Да? Да, конечно, – Полина каким-то жадным движением протянула к Кате руку, заставила ее сесть рядом, без стеснения разглядывая. – Я совсем забыла, что ты у нас! Столько работы накопилось, думала, вообще не вырвусь!

Глеб едва слышно хмыкнул за Катиной спиной. В комнату влетел Лешка, плюхнулся на диван рядом с мамой, прижался к ней, Полина так ласково на него посмотрела, что Катя почувствовала, что проникается к ней симпатией, хоть и смешанной с другими чувствами.

– Как вы справлялись без меня, Лёка, а? Я ездила в Москву заказывать новые модели. Что вы кушали?

– Как обычно, – ответил за брата Глеб. – Перебивались. Для мелкого Катя готовила, а я по забегаловкам.

– Мы тебя приглашали, – вырвалось у Кати, – ты сам не хотел.

У Полины округлились глаза:

– Катюша, ты им готовила? Мне так неудобно! А как же Вера? Она же должна была помогать! Я теперь бояться буду вас одних оставлять!

– С Веркой поговори. Ни хрена она делать не хочет. А лучше уволь Верку. И Ирку уволь, – раздраженно сказал Глеб. – Обоих уволь. Вера постоянно белье в стиралке оставляет, оно заванивается, грязь по всему дому развела, Ирка вообще шляется где-то, мелкий один целый день.

– Как же так? Я думала, все хорошо. Я поговорю, – пролепетала Полина. – Я поговорю, когда Тоша приедет.

– Ясно, – парень скривился, отошел, сел на пушистую шкуру перед телевизором и принялся щелкать пультом.

– Глебушка, я же фэшн-канал смотрела... – робко сказала ему в спину Полина и, не получив ответа, вернулась к разговору с Катей. – Я очень рада, что ты у нас гостишь. Как твоя мама? Тоша говорил, она болеет.

– Ей уже лучше, – вежливо отозвалась Катя. – Она в больнице.

– Я надеюсь, мы с ней познакомимся, – сказала Полина, улыбаясь и наклоняя голову набок – у них с Глебом было много общих жестов, как успела заметить Катя. – Мы ведь семья, кто бы что ни думал. У нас с Антоном был разговор о тебе, когда ты только родилась. Он ведь не знал о тебе, ты в курсе?

– Да, да, – сказала Катя.

– И я рада, что ты нашлась. Думаю, теперь у нас не должно быть никаких обид. Все здесь, все счастливы, правда?

Катя с неуверенностью кивнула. Оно как бы да, но...

– Ребята! – оживленно воскликнула Полина, потянувшись

к телефону на столике и явно потеряв интерес к разговору. – А что мы сегодня закажем на ужин? Я ужасно голодна!

– Японскую еду! – радостно вскричал Лешка. – Хочу суши!

– Мне все равно, – отозвался Глеб, не оборачиваясь. – Я ел, не буду.

В результате ужинали они перед телевизором втроем: Полина, Катя и Лешка. Кате понравилось не все. Сырая рыба была отвратительной на вкус, Катя вежливо пожевала, а потом незаметно сплюнула в салфетку. Слушая щебет Полины – комментарии к показу мод (Глеб ушел в свою комнату, и его мама наконец завладела пультом) – Катя размышляла о том, как верно утверждение, что все познается в сравнении. Сначала переезд в дом Никитиных и новая школа ощущались как катастрофа, а теперь она с удовольствием бы обменяла бы сегодняшний день на три минувших. В школе появились друзья, и суэта на кухне за готовкой для Лешки, и их совместные ужины за болтовней обо всем казались ей уже райским времяпрепровождением по сравнению с вечером в обществе жены отца.

На следующее утро Полина вышла на кухню в зеленой бугристой маске на лице.

– Детокс, – невнятно объяснила она Кате, обнимая Лешку. Мальчишка, кривляясь и делая страшные глаза, полез от нее под стол. – Кушаете? О, гренки! Какая прелесть!

– Позавтракаете с нами? – предложила Катя.

– О нет! Я не ем хлеб. Кушайте, кушайте! Глеб, завезите Лешу!

– Знаю, – буркнул Глеб, спускаясь по лестнице. – Самарская, шевелись. Сегодня Ариша просила на десять минут раньше подойти.

– Глебушка, – строго сказала Полина, отплевываясь от пурьков маски, – называй Катюшу по имени.

– Да, матушка, – едко проговорил Глеб, наклонился к плечу Кати и с придыханием проговорил ей в ухо: – Катюша... Кате почему-то бросилась в лицо кровь.

... День прошел очень обычно. Эля и Оксана уговаривали ее сходить в «Мега-Город», но у Кати возобновились уроки по скайпу, и она отказалась. Она старалась не пересекаться с Матвеем, но это было сложно – Гурмин постоянно оказывался рядом и пытался завести с ней разговор. Она отмалчивалась. Если это очередная попытка ее унижить (воспоминания о том разговоре с Глебом и слова Матвея о ее нечистоплотности все еще вызывали краску на лице), то странная.

Полина зашла к ней вечером, когда Катя уже в пижаме сидела на кровати с ноутбуком.

– Не помешаю?

– Нет-нет, входите конечно.

– Катюша, у меня к тебе разговор, – вкрадчиво произнесла женщина.

Катя напряглась и выдохнула с облегчением, когда Поли-

на сказала:

– Ты не могла бы три-четыре дня присмотреть за Лёкой? Мне опять надо уехать.

– Да, разумеется! Но... как же Ира?

– Она мне сейчас прислала сообщение, что больна. Я ей не очень верю. Наверное, Глеб прав, – Полина тяжело вздохнула. – Мне очень неудобно тебя напрягать. У нас с Верой и Ирой в последнее время такие... такие нехорошие отношения, Глебушка с ними все время ругается... и вообще. Тоша приедет и мы все уладим. Ладушки?

– Да, – сказала Катя, втайне радуясь. – А когда вы уезжаете?

– Послезавтра днем. Я буду тебе платить, по часам. За готовку и присмотр.

– Нет! – воскликнула Катя. – Не надо! Зачем?! Я же у вас живу... и мне не сложно, наоборот!

– Да? – оживилась Полина. – Вот и хорошо! Я тебе деньги буду оставлять. Но я не могу просто так тебя затруднять... Вот что. Приходи ко мне завтра после школы в магазин. У нас отличный завоз осень-зима. Подберем тебе что-нибудь молодежное. Не дело ходить в таком... стареньком.

– Я... – смущаясь, начала Катя.

– Вот и договорились! Буду завтра тебя ждать! Не подведи! – Полина мило ей улыбнулась и вышла из комнаты.

Глава 8

Глеб

Глеба напрягало, что Матвей трется возле Самарской. Та, по всем признакам, серьезно обиделась и хорошо если выдавала Гурмину два-три слова в день. Матвей не отставал. Плохо, что Эля с Оксаной относились к нему с пофигизмом и не пытались оградить новоявленную подружку от его общества. У Эли с Гурмиными дружила мама, Оксане вообще было все равно, она, как придонная рыба, выныривала из своего академического моря, только чтобы проверить, сколько там до ЕГЭ осталось. Весь класс тоже внимания особого не обращал: у Гурмина была одна особенность – он старался завоевать себе всеобщую симпатию, особенно перед контрольными и зачетами. И у него это хорошо получалось. Но Глеб видел, что тут что-то не так.

На русском Матвей встрял с Самарской в спор о непервообразных предлогах. Девчонка доказывала, что в предложении есть запятая, Гурмин твердил, что нет. Проверили тест по ответам, оказалось, Самарская права. Гурмин подошел к ней на перемене, начал велеречиво извиняться, девчонка злилась, но он не отстал, пока она трижды не повторила, что не обижается.

Училка по обществознанию уехала на конференцию, на замену никого не поставили, и Ариша отправила весь класс

в библиотеку на самообучение. Глеб подсел к Гурмину, который положил перед собой учебник по обществу, а сам лазал по каналам в телеграме.

– Гурмин, тебе Самарская что сделала?

Матвей поднял голову и, как показалось Глебу, посмотрел на него с удивлением.

– Ничё не сделала.

– А зачем ты тогда к ней липнешь?

Гурмин поднял одну бровь, откинулся на сидении назад:

– А это со стороны так выглядит, да? Не знал.

– Выглядит так, будто стоит ей косички заплести, и ты на них сразу повиснешь.

– Косички, – Матвей странно усмехнулся. – Косички – это сексуально. Никитин, отвянь. Мне твоя сеструха нафиг не нужна, мне просто скучно. Я всех в классе знаю от и до. Хоть какой-то свежачок. К тому же скоро полугодовые.

– Самарская не виновата, что наш объект в клинику лег, – раздраженно проговорил Глеб, припомнив свои терзания в последние дни. Он бы уже сбросил этот камень с души, но Тому госпитализировали с подозрением на аппендицит. – Ты сейчас Самарскую напряжешь, а мне потом отец счет выставит.

– А-а-а, ты уже в семье не любимчик, так что ли?

– Да при чем тут... Я за ней типа присматриваю. Ты ей и так уже самооценку подпортил, она теперь думает, что ты ее загнобить пытаешься. У них в ее шестидесятой школе это

нормой было. Отцу скажет – он мне предьяву кинет: чего допустил?

– Ты ей рассказал? Про то, как я ее замарашкой назвал? – взгляд Матвея заледенел. – На хера?! Я просто поделился. На эмоциях!

– А я что, друг тебе? – неприязненно отозвался Глеб, скрепящая руки на груди. – На фиг мне твои эмоции? Ты отвечай за свои слова. Поделился он! Как будто не понимаю, в кого ты метил. Типа мы с ней одна семья, все засранцы. А мы не одна, понял?

– Я-то понял, это ты ничего не понял, – с издевкой произнес Матвей.

– Да, я тупой и совестливый. Короче, харэ гнобить мою сестру.

– Ты придумал насчет выигрыша? – вдруг резко сменил тему Гурмин.

– Мне не до этого, – окрысился Глеб. – У меня днюха скоро.

– Ну так и совместишь, приятное с полезным: днюху и исполнение *моего* желания. Потому что когда Тома выйдет из больницы... Кольцо не потерял?

– Не потерял.

Прозвенел звонок. Глеб остался в библиотеке и сидел всю перемену, наблюдая за тем, как мимо стойки библиотекаряши ходят косяками учащиеся. Скоро промежуточные зачеты, надо готовиться, дерьмово. Самарскую тесты тоже бес-

покоили. В машине по дороге домой она неожиданно разоткровенничалась:

– Мой репетитор передает меня своему бывшему ученику, – жаловалась она. – Он в Каратовском вузе на четвертом курсе. Валентина Станиславовна его очень хвалит, а сама говорит, что ей уже тяжело столько ребят вести. К тому же я много пропустила. А я вот думаю, согласиться или другого репетитора искать? Валентину Станиславовну не хочется обижать, она этого Мишу так рекомендовала! У нас с ним первый урок в воскресенье вечером, вроде бесплатный, пробный потому что.

– Ну и позанимайся, – Глеб пожал плечом. – Потом отмажешься, если что. Скажи, в новой школе к учительнице на допы записалась.

– Врать не хочу, – девчонка вздохнула.

– Не хочешь – скажи ему в лоб, – Глеб начал раздражаться. Все такие правильные, блин, только никто не хочет отвечать за свои слова и поступки. – Тем более, если урок пробный. Значит, у препода первоначально заложено, что может не срастись.

– А ведь ты прав, – сказала Самарская, подумав. – Я попробую, и если у меня не пойдет, так и скажу. И Валентине Станиславовне объясню.

– Твоей Валентине Станиславовне, может, вообще все равно, – пробурчал Глеб, – а ты себя моральными терзаниями изводишь.

– Нет, – упрямо сказала девчонка, отворачиваясь. – Ей не все равно.

– Ну... нет так нет, – процедил Глеб, закрывая глаза.

На следующий день, в субботу, в школе были только допы, на которые Глеб решил не идти. Закончились занятия в десять тридцать, и Катя растерянно топталась во дворе школы. Водителя она отпустила (предупредив, что идет в торговый центр и домой доберется сама), и лишь потом сообразила: Полина легла спать чуть ли не под утро. Через приоткрытое окно Катя слышала, как жена отца в три часа ночи стоит на балконе в своей комнате и разговаривает по телефону, перемежая неразборчивое бормотание переливчатым смехом. Если сейчас ехать в «Мега-Город», Полины в бутике скорее всего еще не будет. Придется объяснять ситуацию продавцам, неудобно выйдет. Да и сомневалась Катя, что Полина не забыла о своем обещании. Странная женщина. Такое ощущение, что ей тринадцать, а не тридцать семь.

Вышли Эля и Оксана. Эля, узнав о том, что Катя наконец решилась выбраться за покупками, радостно затараторила:

– Класс! Мы с тобой пойдем! Только давай заедем ко мне, поедем чего-нибудь. Пока посидим, твоя родственница проснется. У тебя номер ее есть?

– У меня есть номер Глеба, – объяснила Катя. – Это его мама.

Эля и Оксана переглянулись, но ничего не сказали. Они

сели на автобус до центра на остановке возле лицея. Дорога по поселкам показалась Кате очень приятной, девочки уселись возле окна и болтали. Само собой как-то получилось, что Катя рассказала всю историю с переездом в дом Никитиных.

– Ну ничего себе! – протянула Эля. – Ты только нашим девчонкам не говори, я знаю пару человек, кто с Глебом не прочь замутить. Начнут... докапываться, или и того хуже – подозревать, что вы... ну ты поняла.

Катя поняла и покраснела.

– Саша, – сказала Эля. – Я слышала один раз, как она с Лолой Карповой планами делилась. Так по виду и не скажешь, что Максимова на Никитина глаз положила, она ведь с каким-то парнем из универа встречается. Ты, Катюх, Максиму опасайся. Она стерва.

– Ладно, – вежливо сказала Катя.

Эля жила в большом новом клубном районе. На всех калитках домофоны, подземная парковка, из которой выезжали красивые дорогие автомобили, чудесный зеленый дворик с детскими качелями, на которых сама Катя не отказалась бы покататься, лифт, как в фильмах о космических кораблях. Девочки поднялись на самый верхний этаж.

– У нас квартира полтора уровня, – объяснила Эля, когда они вошли. – Я вот там сплю, на втором уровне.

У Кати от восторга не нашлось слов. Много света, повсюду вырезанные из дерева статуэтки, гладкие, прикоснуться

хочется. Оксана упала на диван, взяв с полки яркую книгу, а Эля устроила Кате небольшую экскурсию по квартире, с гордостью показывая интересные вещи.

– Моя мама – скульптор и резчик по дереву, – объяснила подруга. – У нее свой магазин, как раз в Мега-Городе. Смотри, это африканка из черного дерева. Мамина работа. Второе место на выставке в Москве получила. Красивая, да? Есть хочу. Идемте на кухню.

В холодильнике у Эли не нашлось ничего съедобного.

– У нас всегда так. Мама не успевает. Не проблема, – Миулина легкомысленно махнула рукой. – В центре перекусим. Сейчас, деньги только возьму.

Она поднялась наверх, на второй этаж над просторной гостиной. Вернулась, засовывая в кошелек пяти тысячную купюру.

– Мало. Нужно к маме зайти, еще попросить. Ой, девчонки, я сегодня в ударе! Да здравствует шоппинг!

Катя все никак не могла к этому привыкнуть. К тому, что огромные для нее в прошлом суммы можно считать мелкими. Хотя у нее самой на карте лежало целых две маминых зарплаты.

Полина была в магазине. Она увидела Катю сквозь стеклянные двери магазина и, радостно заулыбавшись, вышла ей навстречу.

– Катюш, а я уже хотела тебе позвонить. Девочки, привет. Заходите, у нас новый завоз.

Эля и Оксана принялись бродить по магазину, обсуждая ассортимент и откладывая вещи для примерки. Катю Полина передала на руки симпатичной молодой продавщице. Та подобрала ей пару блузок и юбок в стиле школьной формы, брюки, широкие до колен, узкие, до щиколотки, обычные, черные, бежевые, желтые, серые, футболки, яркую кофту-худи, юбки разной длины и стиля, платья, пальто красивого мятного оттенка и несколько пар туфель.

– Осень уже заканчивается, – озабоченно проговорила Полина, изучая выбор консультанта. – Но сразу все сложно подобрать. Ты пока ходи, прислушайся, твое ли, в ноябре купим зимнее. Главное, носи платица и юбочки. Брючки – это хорошо, но девочка должна быть девочкой.

Катя тут же переделась в трикотажный пуловер и юбку-колокол.

– Колготки с принтом до лодыжки, будто носочки, и ботиночки, – посоветовала Полина. – Так сейчас модно. А вы, девчушки, выбрали себе что-нибудь? Сделаю вам скидку.

Катя вышла из магазина совершенно ошеломленной. Сначала Антон с подарками, теперь его жена. Эля и Оксана, помахивая пакетами с покупками, восторженно щебетали и посмеивались над подругой:

– Теперь понятно, почему Никитин так хорошо всегда одет. И ты теперь тоже. Классная у тебя мачеха! Ты тоже типа Золушка, да? А принц где?

В отделе цифровой техники Эля выбрала для Кати теле-

фон, с большим экраном и скоростным интернетом. Катя дрожащими руками положила его в сумку. Слишком много впечатлений за день, голова кружилась. Стоило присесть в кафе и вставить в телефон старую симку, как сотовый зазвонил красивой переливчатой мелодией. Это был Глеб.

– Антон до тебя не дозвонился, ты где?

– В Мега-Городе. Я же говорила. У меня новый телефон.

– Будь там. Я как раз к матери еду, домой вместе поедем, Антон достал уже своим беспокойством.

– Хорошо, – послушно согласилась Катя.

Она угостила подруг вкусным обедом и мороженым из крошечных разноцветных гранул. Отличный день портила только тянущее ощущения внизу живота. По ее подсчетам, для месячных было еще рано, но во время стрессов или усталости цикл часто сбивался. Циклические боли всегда были у Кати сильными, выматывающими. Она хотела зайти в аптеку и купить гигиенические средства и обезболивающее, но забыла, увлекшись разговором.

Глава 9

Глеб

Миулину и Бобринюк Глеб увидел сразу, а Самарскую искал взглядом, поднимаясь на эскалаторе, но не находил. А потом... нашел. Глеб даже остановился у стеклянного ограждения, за лифтом. Это была Катя, но... такая, как ТОГДА.

Он иногда вспоминал, какой увидел Катю в первый день их знакомства, в кафе, но старался поскорее забыть и вытеснить те свои эмоции неприязнью. Сам же, в глубине души, понимал, почему строит сводную сестру и даже иногда унижает: был у него отец, которого он любил большего всего на свете, которому в детстве в рот смотрел, которым гордился, а оказалось, никакой Антон не отец. Мало того, отчиму есть, кого любить всем сердцем, по долгу крови – девчонку, с которой он недавно познакомился. А Глеб был игрушкой, заменой на время, чтобы скучно не было.

Все это казалось обидным, несправедливым, болезненным до одури – аж сердце на части. Глеб понимал, что это детские обиды, но ничего не мог с собой поделать. И теперь, глядя на то, какой очаровательной стала Катя в новой одежде, он на ходу пробормотал:

– Ну вот, отмыли, приделали. Теперь войдет во вкус: шмотки, мазилки...

От этих слов самому противно стало. Он подошел к одно-

классницам и буркнул:

– Все? Идем домой.

– А к твоей маме? – спросила Катя.

– В следующий раз. Она занята.

Он сам не понял, почему решил не заходить к Полине, (хотя накануне собирался обсудить с ней, где-нибудь вне дома, поведение няни Ирины). Хотелось приехать домой, запереться в комнате, послушать музыку, отвлечься. Катя попрощалась с подругами. Глеб повел ее вниз, по эскалаторам. Самарская как назло отражалась во всех витринах. Она сама, казалось, удивлялась собственному преображению: ловила свое отражение и удивленно распахивала глаза. И немудрено, мать подобрала ей прикольный стиль: свитер обрисовывал грудь, подчеркивал талию, ноги были открыты до колен... красивые ноги. И лицо словно стало ярче. Катино лицо Глеб и без нового прикида всегда... видел... и помнил.

Глеб пропустил ее вперед на ленте второго этажа и увидел, как двое парней в форме летного училища, поднимающиеся по противоположной стороне эскалатора, оглядываются на Катю. Один даже сбегал вниз на несколько ступенек, позвал:

– Эй, привет, а мы в кино. Хочешь с нами?

Самарская покачала головой. Парень отстал, только когда Глеб спустился и взял ее под руку. У Кати горели щеки, а рука дрожала.

В машине она дремала, вяло склонив голову на спинку сидения. Глебу она показалась очень бледной. Он ушел к се-

бе, лежал в кровати и не мог понять, что не так. Словно случилось что-то, то ли хорошее, то ли плохое, а он не может вспомнить, что. Захотелось чаю. На кухне сидел расстроенный Лешка.

– Чего ты? – спросил Глеб.

– Катя плохо себя чувствует, – занял мелкий. – Я думал, у нас на ужин будут фрикадельки. Катя фарш разморозила. И лежит в кровати. Опять бутерброд есть? Не хочу. Что с Катей?

– Сейчас схожу узнаю, – сказал Глеб.

Что там у Самарской стряслось? Он постучался. Слабый голос ответил:

– Открыто.

Катя лежала на кровати, подтянув ноги к животу, очень бледная, с кругами под глазами. Даже не переоделась.

– Чего ты? – кашлянув, спросил Глеб.

– Я... ничего... живот болит.

– У мамы алмагель есть. Дать? Мне всегда помогает.

– А обезболивающее есть?

– Не знаю. Вряд ли, от головы, разве что. Давай алмагель дам. Мне всегда помогает, – глупо повторил Глеб. Бледность Кати его пугала.

– У меня... не так живот болит.

– А как? – озадачился он.

Катя покраснела, и до Глеба дошло.

– Блин! – он хлопнул себя по лбу. – Понял. Сейчас поищу.

Он порылся в маминой аптечке. Одна косметика. В доме Никитиных болели мало. Вернулся с каким-то БАДом, на котором было написано «для женского здоровья», сильно сомневаясь, что это подойдет. Катя сидела на кровати, покачиваясь вперед-назад.

– Только такое нашел. Ты чего поднялась? Я воды принесу? Чё, так сильно болит?

– Да, – выдохнула девчонка. И попыталась встать. – Мне надо в аптеку.

– В таком состоянии? Да лежи ты уже! Я схожу.

– Ты не сможешь... купить то, что мне нужно, – сказала Катя смущенно... и повалилась на кровать, застонав.

– Может, врача вызвать?

– Не надо. У меня всегда... сильно.

– Скажи, какие, – храбро предложил Глеб, догадавшись, что требуется Самарской. – А лучше напиши.

В аптеке фармацевт даже глаза на него не подняла, деловито начала выкладывать на прилавок товары по Катиному списку.

– А скажите, – обратился к ней Глеб, – а вот эти... этот товар качественный?

Его смутила цена – всего шестьдесят рублей.

– Бюджетные. Есть четыре капли подороже и поудобнее, – заученно ответила продавец.

– Тогда дайте... две упаковки. И но-шпу.

– Ваша девушка тампонами пользуется?

– Вот эти, – он ткнул в упаковку тампонов на витрине, реклама которых постоянно крутилась на телевидении.

Он вернулся домой, в несколько раз обмотав полупрозрачный пакет вокруг покупок. Катя дрожащей рукой взяла таблетки с его ладони. У нее хватило сил только его поблагодарить. Нужно Полине сказать, думал Глеб спускаясь вниз и собираясь сходить в кафе за едой. Пусть мать отведет ее к своему врачу. Это засада – так каждый месяц мучиться.

Катя

Катя дождалась, когда утихнет боль, и спустилась вниз. Глеб и Лешка не ели – сидели перед телевизором и смотрели какой-то фильм.

– Тебя ждали, – сказал младший брат, радостно отодвигая стул от стола, – одним скучно. Смотри, сколько всего Глеб притащил. И кока-колу. Ты что будешь?

Кате совсем не хотелось есть, низ живота еще ныл. Однако она вспомнила свой конфуз с обмороком (и Матвея), быстро проговорила:

– Картошку. И вот это, тушеное мясо.

– Салата возьми, – сухо предложил Глеб.

Мальчишки были как мальчишки: даже тарелки не достали, оба подвинули к себе пластиковые коробочки с едой. Катя принесла посуду, переложила каждое блюдо на отдельную тарелку, порезала хлеб и помыла зелень.

Глеб кивнул и начал есть, уставившись в телефон. Как же с ним сложно! Вот, час назад был человек – сострадательный,

даже ласковый, а теперь...

У Кати звякнул сотовый. Она и забыла, что купила себе новый. Такой удобный: сразу все сообщения видно. Ей писала Эля. Передавала приглашение от Максимовой.

– Саша приглашает меня на день рождения, – изумленно сказала Глебу Катя. – Завтра.

– А? – тот оторвался от экрана. – Да, точняк. Я забыл. О-о-о... – Глеб откинулся назад, – ломает идти туда, подарок еще искать. Ты пойдешь?

– Я? – Катя недоверчиво покачала головой. – Здесь ошибка какая-то. Она же меня совсем не знает. Может, Эля перепутала что-то?

– Не-е, все норм. Это Сашуниных родаков движуха, – объяснил Глеб. – Они весь класс пригласили, тимбилдинг, короче. Сашеньке восемнадцать. Секс, наркотики, рок-н-ролл – все теперь можно официально. Идти? Не идти?

– Я не пойду, – твердо сказала Катя. – У меня вечером репетитор.

– А, ну да. А я еще подумаю.

Живот немного болел, и голова кружилась. Катя впервые решила отложить уроки на потом и постаралась как следует выспаться. Предстоящее знакомство с новым репетитором ее очень волновало. Хоть бы интернет не подвел.

В назначенное время прозвучал звонок от Михаила. Катя не знала, как называть молодого человека: с одной стороны, он ее учитель, с другой – студент немногим старше, чем она

сама. Она обрадовалась, когда появившийся на экране симпатичный парень в очках с тонкой элегантной оправой бодро расставил все точки над «и».

– Катя? Я Михаил Гордеев, можно Майкл. У нас с тобой сегодня пробный урок. Если понравится, готов заниматься с тобой два-три раза в неделю. Сразу объясню свой подход. Во-первых, не стесняйся спрашивать. Объяснять – моя работа, ты мне за это деньги платишь. Это чужой язык и стеснение тут не к месту. Лучше я двадцать раз заново растолкую, чем буду не уверен, что ты поняла. Во-вторых, мне нужно тебя протестировать. Основательно. Это для того...

Первый урок Кате понравился. Очень понравился. Майкл объяснял терпеливо и доходчиво. Чувствовалось, что он сам недавно был на месте своих учеников и понимал самые проблемные моменты предмета. В конце урока он похвалил Катю, но и безошибочно указал на все ее пробелы. Катя только обрадовалась: она сама знала, где у нее тонко, а то, что репетитор увидел это, подтверждало его опыт. ЕГЭ по английскому – один из самых сложных экзаменов. В шестидесятой школе учителя в один голос отговаривали желающих его сдавать. Катя решила спросить репетитора про Каратовский вуз. Гордеев с огромным удовольствием принялся рассказывать ей о своем факультете и порекомендовал поступать именно на лингвистику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.